

Шарль Шмидт

ИЮньСКИЕ ДНИ 1848

Перевод с французского *М.К.Гринвальд*
Предисловие к русскому изданию *А.И.Молюка*

Л.: Прибой. 1927

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и [Век Просвещения](http://vek-prosvещения.ru), 2010. Дореформенная орфография сохранена.

Тематические ссылки:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)
в воспоминаниях участников и современников
Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»
Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

А.Молюк. Июньские дни 1848 года в Париже
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)»
http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей
Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности
http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть
<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)
http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»
http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе
http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"
http://vive-liberta.narod.ru/doc/tabl_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.
http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л.Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М.Домманже. Бланки
http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html

М.Федорова. Классический французский либерализм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833–1843)
Диктатура генерала Нарваеса (1843–1854)
Экономика Испании в середине XIX века
http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801–1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>

и другие...

Предисловие

Введение

Глаза I. Пороховая бочка

II. Взрыв. Пятница 23 июня

III. Сражение субботы 24 июня

IV. Кровавый праздник Тела господня, 25 июня

V. Конец восстания

Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Июньские дни 1848 года — эта "первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество", "борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя" (Маркс) — еще не нашли своего историка. В ожидании того, когда появится марксистское исследование этого грандиознейшего события в классовой борьбе новейшего времени, этого предвестника Коммуны и Октября, книжка Шарля Шмидта (одна из двух имеющихся по этому вопросу во французской историографии), русский перевод которой предлагается здесь читателю, будет с интересом и пользой прочтена широкой читательской (особенно вузовской) массой СССР.

Автор — видный французский архивист, несомненный знаток эпохи — сумел, на сравнительно немногих страницах и в довольно популярной форме, дать живую и достаточно полную картину восстания, проследить все перипетии уличной борьбы, кипевшей в Париже в течение четырех дней (23–26 июня). К сожалению, и он не избежал свойственного всем писавшим об июньском восстании шаблона, уделив непропорционально большое место двум драматическим эпизодам этих дней — расстрелу повстанцами генерала Бреа (стр.78.—84) и гибели на барикаде

---

* Книжке Шмидта (вышедшей в 1926 г.) предшествовала книжка Виктора Марука (вышедшая в 1830 г.), русский перевод которой, насколько нам известно, готовится в издании Института Маркса и Энгельса.

архиепископа Афра (стр.87–94). Он поступил бы, по нашему мнению, гораздо лучше, если бы, вместо этого, несколько подробнее остановился на ужасах белого террора, увенчавшего победу коалиции всех собственнических классов страны над геройскими пролетариями Парижа.

Существенным недостатком книжки является то, что, строго говоря, она дает лишь внешнюю, военно-политическую историю восстания, не углубляя вопроса о его классовых корнях и предпосылках. Типичный радикал, посвящая свой труд небезызвестному "социалисту" Жоржу Ренару, — автор беспомощно путается в этом вопросе и, при всей своей эрудиции, не может дать на него удовлетворительного ответа. На стр.25 он, колоссально преувеличивая роль бонапартистской пропаганды, утверждает, что именно бонапартизм "бросил рабочих на восстание". На стр.105 читаем: "Это восстание нищеты было спровоцировано политическими деятелями, преисполненными добрых намерений (! — А.М.), но невежественными, наивными, насыщенными пустой фразеологией и классическими воспоминаниями; они вызвали народное волнение бездарностью, полным незнанием действительной жизни (! — А.М.), своими иллюзиями относительно власти слов и полным игнорированием развития экономической жизни". Сравните этот наивный эклектический лепет с тем, что писал Маркс о неизбежности июньской битвы, вызванной сознательной и грубой провокацией буржуазии, в упор поставившей пролетариату вопрос: "Что же вы, каналы, для себя или для нас сделали февральскую революцию?" Сравните сбивчивые рассуждения Шмидта с признаниями пронизательного реакционера Токвиля, который уже на другой день после падения монархии короля-буржуа пришел к заключению, что "нет возможности урегулировать развитие февральской революции постепенно и мирным путем", что "оно может быть остановлено не иначе, как посредством решительной битвы на парижских улицах", что "такая битва не только была неизбежна", но что "она должна была произойти очень скоро" и что "было бы желательно воспользоваться первым удобным случаем, чтобы начать ее.

Наконец автор недостаточно подчеркивает и непосредственные результаты июньской бойни, придавшей духу всей международной реакции и явившейся поворотным пунктом в ходе революции 1848 года во Франции, которая с этого момента явно идет под уклон — навстречу бонапартистскому перевороту 2 декабря 1851 г.

В заключение напомним, в каких выражениях Маркс, на другой день после подавления восстания, охарактеризовал его всемирно-историческое значение:

"Февральская революция была революцией красивых порывов, она пользовалась всеобщим сочувствием, ибо противоречия между элементами, сообща восставшими против королевской власти, еще не успели развиться и мирно уживались рядом, ибо социальная борьба, составлявшая фон революции, не вышла ещё из туманной области фраз и громких слов. Июньская революция была гадкой, отталкивающей революцией, ибо здесь фразу заменило дело, ибо республика обнажила самую голову чудовища, сорвав с нее защищавшую и скрывавшую ее

корону... Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, не была покушением на порядок, так как все они оставляли нетронутым господство буржуазии и рабство рабочих, не касались буржуазного порядка и изменяли лишь политическую форму этого господства и этого рабства. Июнь покуšился на этот порядок. Горе июню!"

А. Молок

*Посвящается Жоржу Ренару
в знак преданности и уважения.*

ВВЕДЕНИЕ

*Республиканская демократия родилась
в три дня и в три дня она умерла.
Де-Сиркур*

Почему дрались на улицах Парижа всего несколько месяцев после того, как революция низвергла Луи-Филиппа и провозгласила республику?

Почему в июне 1848 г., как и в феврале того же года, Париж покрывался баррикадами?

Почему либеральная буржуазия, сама толкавшая рабочих к первым баррикадам, февральским, пришла в ужас, когда увидела, что рабочие самостоятельно строят новые баррикады — июньские?

Наконец, почему так часто и с такой горькой иронией утверждалось, будто февральская революция осуществилась в июне?

Пытаясь беспристрастно ответить на все эти вопросы, я не удовлетворился общими рассуждениями историков; я вчитывался в документы той эпохи и перебрал много раздававшихся тогда в Париже медалей с изображениями Людовика Наполеона. Не без волнения держал я в своих руках патроны и пули, найденные у бунтовщиков... Мне бы хотелось рассказать об июньских днях, пока на пальцах еще слышен запах пороха, и попытаться объяснить это восстание, вызванное отчасти тактическими ошибками и невежеством политических деятелей, партийной агитацией и интригами, но преимущественно сильным экономическим кризисом.

Утром 23 июня, перед самым сражением, у баррикады Араго бросил рабочим упрек, что они восстанут против власти. Один из них выкрикнул в ответ ученому: "Господин Араго, вы, значит, забыли, как мы с вами вместе строили баррикады в 1832 году? Господин Араго, не вам нас учить, вы никогда не голодали!" И правда, здесь дело шло о "голодном бунте", — вот что нужно запомнить, чтобы понять, и прежде, чем судить.

Февраль—апрель 1925 г.

ГЛАВА I. ПОРОХОВАЯ БОЧКА

Восстание никогда не вспыхивает при ясном небе. Было бы странным заблуждением думать, что на следующий же день после "преждевременно рожденной" революции 24 февраля, когда народ низверг Луи-Филиппа и баррикады были сняты, Париж сразу совершенно успокоился на радостях от победы.

Борьба отнюдь не была окончена, она только еще начиналась, и она должна была осуществить стремления к социальной реформе. Народ, прямолинейный в своей логике, ожидал результатов победы, которую он одержал. Напуганная этой победой буржуазия, конечно, хотела оставаться в пределах политической идеологии: она охотно приняла лозунг — демократическая республика, ведь за этим ничего не скрывалось, но она опасалась республики демократической и социальной, которая могла воплотиться в нечто весьма реальное.

И вот, пороховая бочка, опустошенная взрывом 24 февраля, заполняется вторично. В течение трех месяцев, последовавших за падением старого строя, подготавливается новый взрыв, который оказался в самом деле страшным, "самым сильным и необычайным за всю нашу историю".

* * *

Свобода печати, свобода собрания! Газеты выходили из-под земли и размножались до бесконечности; нарождались клубы всех оттенков и всех направлений. Париж превратился в громадный зал собраний, где все подвергалось критике и где все вопросы находили разрешение.

Здесь собственно стоило бы привести список имен всех ста семидесяти одной газеты, появившихся начиная с 25 февраля. Из них некоторые просуществовали всего несколько дней; были и такие, которые, напечатанные утром, в тот же вечер исчезали; листки с названиями такими молодецкими, что от них пробирала дрожь: "Парижский уличный мальчишка", "Наш слобидской", "Газета подлого сословия", "Красная республика", "Робеспьер", "Вулкан", "Отец Дюшен", "Мать Дюшен" и "Горький Дюшен", "Красный колпак", "Красное ядро", "Поджигатель", "Кровожадный". У женщин тоже были свои газеты: "Голос женщин", "Женская республика", "Журнал-котильон". У всех партий, от самых левых и до самых правых, от социалистов до легитимистов, от республиканцев до радужно настроенных бонапартистов, были свои органы, ныне давно забытые.

Сколько газет, столько и клубов. Из них многие, подобно газетам, длятся лишь миг один. Полиция за ними наблюдает, но часто случается, что она даже и не знает, существует ли еще такой-то клуб, на деятельность которого ей донесли; сыщики выбиваются из сил. "Клуб единения?" Но их в Париже четыре: один в Сорбонне, председателем там студент-медик, — клуб как будто бы не очень опасен; другой на улице дю-Бак, — его посещают все граждане почтенные из умеренных; третий — в предместьи Сен-Мартэн — не свиреп; но в четвертом, на улице Кокенар,

проповедуются принципы самые анархические. Собрания, общества, ассоциации, все они образуются по типу клубов и так и называются.

"Есть клубы мужские и женские, чернокожих и белых, французов и иностранцев, поляков, немцев, итальянцев, драматических писателей, лавочников, учителей, профессоров, писателей, домашней прислуги, студентов, рабочих, комерсантов, военнслужащих-демократов, франмасонов и наконец республиканцев-протестантов".

Многие придерживаются видимости клубов 1793 г. и именуют себя в честь их: есть клуб якобинцев, есть клуб Горы. Здесь члены собрания рассуждают, опершись на пики, увенчанные фригийскими колпаками; там нельзя заседать иначе, как в блузе. А часто бывает, что декорация много страшнее самой пьесы. Иногда в этих клубах мелькают и сильно напуганные иностранцы, проездом в Париже. Они слышат зажигательные речи, но часто встречаются также и солидные аудитории, которые с серьезным вниманием выслушивают политические или философские экскурсии Бланки, всегда в черных перчатках, Барбеса — "рыцаря демократии" и кроткого коммунистического мечтателя Кабе.

Газет, потоков слов чрезмерное изобилие! Буржуазия пугалась.

"Пред нами снова открывается година страхов", писала Жорж Занд. И буржуазия "уходила в себя". "Все принимались экономить". "Частным учителям молодых барышень отказывали; у молодых людей отнимали их верховых лошадей; к чему теперь моды? Никаких вечеров больше нет, и сейчас не до свадеб". Кто только может, покидает Париж, а кто вынужден остаться, живет весьма мизерно; весь артистический мир от этого очень страдает. Это отмечает один немецкий художник, живший тогда в Париже. Он оплакивает конец светской жизни, исчезнувшее веселье и ущерб, нанесенный искусству духом экономии.

"Антуан Муан, — рассказывает Виктор Гюго, — лепил всякие фигурки и статуэтки для продажи. После февраля ничего на рынке нельзя было достать. Фабрикант тщетно искал модели для подсвечников или часов; они исчезли. Нехватало и буржуа, который, бывало, заказывал портрет, — что делать? Антуан Муан боролся как мог, износил всю свою старую одежду, ел фасоль с картошкой, продал свой фарфор в комиссионный магазин, заложил в ломбарде сначала часы, потом серебро...".

Салоны замолкают, но улицы шумны. Бесперывно идут процессии: поют марсельезу. Некоторые безработные пугают. "Клубы отчаяния" ежедневно заседают на улице "из бравады, такая мода".

* * *

Революция разразилась в стране, переживавшей серьезный кризис, кризис промышленности и сельского хозяйства. После 24 февраля он еще более обострился: банкроты, обратные требования внесенных ценностей, прекращение заказов фабрикам, недостаток оборотных денег, бегство богатых клиентов из Парижа, продажа предметов роскоши за грошовую цену, паника, которой поддаются и высшие банковые сферы, неожиданно отказывающие торговле и промышленности в кредите; мелкая промышленность и мелкая парижская торговля, вынужденные жить на свой капитал, правительство, оттесненное "на край разверстой пропасти".

Вот иллюстрация положения в двух самых населенных округах Парижа того времени, VIII и IX, Городской ратуши и Сент-Антуанского предместья, оборудованных мастерских 600, в них работает 7500 рабочих; с 24 февраля вся работа приостановлена: всюду выполнение заказов прекращено, а между тем их было получено немало, в частности для железных дорог. Рабочие обращаются за советом к хозяевам; последние тщетно ищут выхода из положения; все сходятся на том, что надо просить поддержки у правительства под видом денежных займов, которые должны прекратить безработицу и оживить парализованную промышленность. Таковы условия работы в двух округах по одной металлургии.

Но и в других отраслях производства мы видим то же состояние полного застоя. "Первопричина всей гражданской войны, — заявил впоследствии свидетель, вызванный для дачи показаний Национальному собранию, — заключалась в нищете народа, взбудораженного пагубными учениями и неосуществимыми обещаниями".

Под "пагубными учениями" он подразумевал идеологию, изливающуюся в клубах потоками на головы, плохо к ним подготовленные.

"Неосуществимые желания" — означало провозглашение "права на труд", уже издавна требовавшегося теоретиками, но в действительности вырванного в момент растерянности у неопытных политических деятелей, совершенно невежественных в экономической жизни. "Февральская революция произошла несколько слишком рано", — говорил впоследствии Гудшо; "ни у кого не нашлось ни ключа к ней ни необходимого опыта", — со своей стороны добавлял Прудон.

25 февраля рабочая делегация, возглавляемая рабочим Марш, "одним из тех, неизвестно откуда взявшихся людей, энергия которых выдвигает их в дни народных волнений на посты вождей", действительно выставила правительству требование о признании права на труд. Ламартин набросал речь: "Довольно фраз!" И правительству пришлось подписать декрет, гарантирующий труд всем гражданам. Даже консервативный журнал "Revue des deux mondes" высказал свое одобрение по этому поводу... Подписать декрет не трудно; обещать ничего не стоит, но как привести в исполнение? "Июньские борцы, — говорил впоследствии Прудон, — ваше поражение было предначертано декретом 25 февраля. Лица, давшие вам от имени правительства обещание, которое правительство в действительности сдержать не могло, вас обманули". — "Что же касается рабочих, то у них есть полное основание жаловаться, — вспоминает впоследствии один из героев Флобера: — потому что ничего вы им не дали кроме фраз".

И это правда; члены Временного правительства подписали декрет, вырванный у них Луи Бланом, без всякого убеждения; они сдались на утверждение принципа права на труд против своей воли; но оставили за собою лазейки, дающие возможность "исказить его действие на практике". Вот каким образом уже 27 февраля были созданы национальные мастерские, вдохновленные Мари, организованные помимо

Луи Блана и направленные прямо против него. "Вас обманули" — выражение, правда, несколько жестокое; может быть, правительство и искренно рассчитывало разрешить социальную проблему с помощью организации "работы-подачки".

Временное правительство в сущности ничего нового не создало! Идея благотворительных мастерских была стара, и оно просто освежило ее. В свое время и Генрих IV, и Людовик XIV, и революция, и Луи-Филипп организовывали земляные работы, специально чтобы занять безработных: стоит только поработать на земле, и безработные успокоятся. "Эпическая глупость", — как оценивает такую политику Луи Блан. Маккиавелизм, глупость, все зараз. Национальные мастерские обернулись против тех, кто их создал. Армия рабочих, которых правительство рассчитывало завербовать на свою защиту, превратилась в армию восстания.

Как только появилось сообщение о вербовке, по два франка в день, к конторам на улице Бонди повалили толпы рабочих. Правительство несколько дней колебалось в выборе начальника над собравшейся разношерстной массой и, наконец, остановилось на инженере Центральной школы Эмиле Тома, "новоиспеченном республиканце"; подбор помощников был предоставлен ему самому, и он мобилизовал их из своих же инженеров, уже дипломированных, а отчасти из студентов. В светлоголубых формах, с шелковыми нарукавниками и кепками, украшенными золотой пчелой, они резко выделялись из толпы рабочих. Инженеры-политехники, обычно назначаемые правительством на подобные ответственные должности, сильно невзлюбили эту новую организацию: дело шло о соперничестве школ, и оно мешало настоящему объединению. Безработных разделили на особые отряды, сгруппированные по бригадам, ротам, взводам, а также и по округам. Их сначала отряжают выкорчевывать на бульварах пни 4000 деревьев, снесенных революцией, и заменять их новыми деревьями, которые они свозят из питомников парижского пригорода Виль д'Аврэ. Работа идет медленно; там, где казалось бы достаточно и двух рабочих, требуется целых десять; работают с продолжительным отдыхом. Ежедневно прибывают новые партии. Инструкции сыплются, и депутаты отсылают просителей в национальные мастерские. В один прекрасный день министр труда, Мари, переправляет к Тома 600 работников искусств, художников, живописцев, скульпторов, чертежников, банковских или торговых служащих; все они хотят работать, но что с ними делать? Специально для них создаются должности артельщиков... В национальных мастерских можно найти каких угодно специалистов: случается, что на земляных работах заняты сборщики и установщики машин и механики, труппа Бобино увеселяет целую роту, а молодой эльзасец, искусный керамист Дек, тогда еще никому неизвестный, работает по мощению бульваров.

Уже в апреле месяце рабочих насчитывается 70000, в мае 100000, в июне 110000, а они всё прибывают и из пригородов и из провинций. До февраля рабочих в Париже размещалось от 8 до 10000, теперь их

насчитывают больше 30000.

Наивно было думать, что эти толпы безработных,— работают они всего только по два дня в неделю,— или занятых на работах, заведомо ненужных, будут охранять порядок в Париже. Они перемешиваются с местным населением, играют в пробки перед кабаками, заходят в клубы; потом настал день, когда они пожелали иметь свой клуб.

Министр делает им смотр, обращается к ним с напыщенной речью, льстит, как умеет льстить министр народу, которого он опасается, дает отеческие советы, в которых явно слышится паника: "Избегайте этого вечного гулянья, сборищ, запугивающих торговлю и промышленность; они очень вредны источникам, питающим производство, они компрометируют ваши же интересы; вот что нас тревожит". А в то же время директору Тома, озабоченному при виде этих ежедневно растущих толп, он говорит: "Не беспокойтесь, что их много; раз вы их держите в ваших руках, они все понадобятся... Быть может, недалек день, когда их всех придется спустить на улицу". Маккиавелизм или глупость? Мари воображал, что стоит ему только захотеть — и он сможет выставить против народа все эти толпы рабочих.

У Тома, находящегося с ними в постоянном тесном общении, иллюзий больше нет. Он изо дня в день видит, как входят в контакт и объединяются национальные мастерские с парижскими народными массами. Представители рабочих союзов просят насадить в их районах деревья Свободы: новый предлог для речей и собраний. Агитация растет со дня на день. В бригадах населенных районов поговаривают о том, чтобы пройти вооруженными от Бельвиля до Парижа! Бездействие, чувство унижения, порождаемое в самых развитых рабочих зрелищем замаскированной благотворительности, и нарочито придуманные и ненужные работы, расхищение казенных денег, отсутствие контроля, случайные субсидии, работа на 20 000 человек и вербовка более 100000, — на некоторых постройках толпится более 8000 рабочих, что за насмешка! Ведь не значит же уважать "право на работу" — заставлять всю эту толпу месить глину под тем предлогом, что правительство не желает или не имеет возможности развить более широкую сельскохозяйственную, промышленную или торговую деятельность и, следовательно, не может дать рабочим никакого дела.

"План без всякого единства, бессильная власть, анархические учреждения, недисциплинированное войско", — вот чем были национальные мастерские! "Армия преторианцев, но неиспользованная и бездействующая в руках правительства", — вот как определил ее Ламартин; да, до тех пор, пока она не ускользнет от правительства вовсе.

* * *

И сам Ламартин, 25 февраля поутру подписывая на клочке серой бумаги декрет об учреждении подвижной гвардии, думал создать покорное войско. Он хотел заменить ею регулярную армию, униженную революцией. Последнюю было решено держать вдалеке от народа, а новый состав должен был как бы дублировать национальную гвардию, о которой не было известно, на чью сторону она встанет.

Двадцать четыре батальона, — два на каждый район, — и батальон так называемый "морской" были сформированы исключительно из добровольцев.

Минувя букву закона, все явившиеся, от 16 до 30 лет, принимались безо всякой формальности. Жалованье отпускалось по 1 франку 50 сантимов в день, т. е. в шесть раз больше жалованья солдата регулярной армии; в обмундировке и вооружении подвижная гвардия была сравнена с линейными войсками.

Декрет был подписан, но фонды готовы не были, и, когда добровольцы явились на следующий же день толпами, чтобы записаться на службу, денег не оказалось. Генерал Дювивье, левый республиканец, которому было вверено начальство над подвижной гвардией, жаловался на поспешность правительства и писал Ледрю-Роллену, совершенно расстроенный: "Необходимо обязательно прийти на помощь записавшимся; по лицам очень многих из них видно, что они голодают. Итак, дедег. заврК, жеЦ? Но и на завтра денег-^ге- 1)ыдо^ ЭД|ШД'Ш1 шшугом,

Давид д'Анже, тоже обеспокоен толпищами, громко требующими обещанного жалованья.

Тогда-то дворы казарм стали наводняться пестрыми толпищами мальчишек, "преисполненных пыла, но развинченных преждевременными излишествами", искателей приключений, "зефиров", "оборванных и легкомысленных героев". Мундиров им еще не роздали, и ученье они проходят, одетые в штатское. Муштровали их кадры, прикомандированные из линейных войск, и очень быстро их удалось превратить в настоящих храбрых солдат! Ламорисьер звал их: "мои зуавы". Сентиментальные, как бывают парижские уличные мальчишки, с налетом мистики,— многие из них вступили в подвижную гвардию прямо из общества имени святого Франсуа Ксавье, — они любили трогательные манифестации... Когда выбирался вождь, — а вожди были все выборные, — они склоняли знамя над его головой, а барабан бил поход.

Во время манифестаций они смешивались с толпой. Пока им еще не роздали формы, они сходили за блузников, мокли под дождем в своей поношенной одежде. Расквартированные по окрестностям, приходили в Париж целыми отрядами, заселяли все площади, а спали на соломе. Рабочие спрашивали их, выступят ли они против народа в день восстания, который уже предчувствовался; их "обрабатывали". Встревоженная буржуазия не знала, что и думать об этих "бледных бандитах", и задумывалась, не революционная ли это армия, которая обратится против них в страшный день боя. "Опасная милиция, вполне способная стать орудием любой власти, которая пожелает угнетать свободу", — писал в то же время один из многих публицистов, встревоженных этой новой гвардией. Настанет день, когда эти пятнадцатая тысяча добровольцев, шатающихся по улицам с патронташами, набитыми патронами, пустят в ход свою винтовку с неподдельным восторгом. Но на чьей же стороне выступят в момент восстания эти "герои-мальчишки", на которых Париж смотрит такими подозрительными глазами?

* * *

Начиная с 24 февраля Париж жил на улице. Стены были заклеены самыми разнообразными прокламациями: восхваления революции и французского народа, призывы к братству, изъявления благодарности Временному правительству, гимны республике, воззвания, настаивающие на соблюдении спокойствия, согласия, уважения собственности. Проходят процессии, корпорации идут к Городской ратуше преподнести правительству корзины цветов и выразить свою признательность. Рабочие приносят свои сбережения, женщины из простонародья – кольца, серьги, свадебные подарки, архиепископ, преосвященный Афр, присылает свою "слабую лепту" – несколько серебряных блюд. В залы, отведенные членам Временного правительства, льется непрерывный поток депутатов. Они требуют увеличения окладов, высылки рабочих-иностранцев, братства всех народов, мировой войны на защиту Польши. Члены правительства поочередно выходят к посетителям, чтобы благодарить их, поднять настроение, окропить "святой республиканской водой" и разослать по домам совершенно удовлетворенными.

Праздники древонасаждения в честь свободы всё продолжались, духовенство тоже принимало участие в этих манифестациях, преисполненных наивного энтузиазма. Деревья насаждались посреди улиц, у мостов, около памятников. Пьяные банды побирались по улицам и угрожали встречным. Под звуки зори стреляли в хлопушки и из винтовок. На площади Сен-Жорж гражданка Дон сумела примирить экономию с республиканским пылом; она пожертвовала худшим из своих тополей, но тщательно пояснила, что он самый молодой и поэтому легко зазеленеет.

Парижане, как буржуазия, так и пролетарии, привыкали к процессиям; при таких обычаях обострялась коллективная нервность.

Уже 9 марта 3 000 промышленников и банкиров, собравшись на бирже, отправились в городскую ратушу требовать продления срока платежей; они угрожали правительству, что выбросят рабочих на мостовую. "Мы им скажем, чтобы они шли требовать у вас хлеба, и тогда мы увидим, удовольствуются ли они превозношением их патриотизма!" Спустя десять дней, 16 марта, состоялась манифестация "мохнатых колпаков". Отряды отборных войск, которые правительство намеревалось распустить, двинулись к городской ратуше, чтобы выразить свой протест; рабочие были уже накануне в клубах предупреждены о готовящейся манифестации; они тоже вышли сжатыми колоннами, а национальную гвардию заставили уступить им дорогу; толпа консервативно настроенных гвардейцев напала на генерала Курте, пытавшегося было вмешаться; его ударили; униженная национальная гвардия, которую это в сущности ничтожное выступление успело поставить в смешное положение, удалилась; она первая подала пример отсутствия дисциплины. "На завтра мы будем иметь дело с манифестацией рабочего класса, который выступит, чтобы ответить на выступление национальной гвардии", – говорил Араго. Он не ошибался.

На следующий день, 17 марта, состоялась большая народная демонстрация, подготовлявшаяся уже несколько дней, чтобы требовать

отсрочки выборов. Она ясно служила ответом на демонстрацию консервативной части национальной гвардии.

100000 мужчин, женщин, стариков и детей дефилировали от площади Согласия к Городской ратуше; клубы с флагами, рабочие, сгруппированные по цехам, со знаменами и лентами. Пропели марсельезу и песню жирондистов. Буржуазия испугалась*. "Это была только ложная тревога, – писал Максим Дю-Кан** : – но она пригодилась в том смысле, что мы насторожились".

Месяц спустя, 16 апреля, новый "день": рабочие и национальная гвардия впервые стоят лицом к лицу; для национальной гвардии это дебют, она должна поддерживать порядок. Победа одержана без всякого сражения; но в тот же вечер прогрессивные клубы постановляют, чтобы отныне народ не выходил на улицу без оружия.

20 апреля – праздник Братства. С 8 час. утра до 10 вечера национальная гвардия, подвижная гвардия, пожарные команды, впервые после 25 февраля линейная пехота, кавалерия и, наконец, артиллерия проходят церемониальным маршем перед Триумфальной, аркой. Пушки украшены зеленью. К дулам винтовок прикреплены кисти сирени: всё как будто говорит об общей радости и единении. В действительности же "все жители Парижа с утра задают себе вопрос, не пробьет ли им за день пуля лба и не подожжет ли кто дома; тревожное настроение и опасность висели в воздухе: прохожие всматриваются пылливо в улицу, как всматриваются моряки в море во время бури".

Температура Парижа поднималась изо дня в день. Население жило как в лихорадке, в лихорадке, подтачивающей весь организм; бывали большие припадки, а то вдруг страшный озноб – предвестник надвигающегося кризиса – потрясал город. Такой озноб пережили 15 мая. В этот день клубы выступили против Собрания, впервые избранного общим голосованием. Народные представители на первом же своем заседании не менее 17 раз прокричали: "Да здравствует республика!" И возгласы эти повторялись в 18-й раз перед Бурбонским дворцом, "перед лицом неба". И все-таки клубы были недовольны; избраны были все умеренные, демократическая и социальная республика потерпела поражение. Под великодушным предлогом вмешательства в пользу Польши клубы пожелали представить петицию в палату. Что тут происходит? Заговор "красных" для низвержения Собрания, или "сеть", закинутая полицией, чтобы отделаться от демократов-социалистов, или, наконец, затея бонапартистов? "День" был организован Губером, человеком сомнительной репутации, и в состав его входили элементы самые разнообразные. "День" был "неясен по происхождению, мизерен по результатам", "грубый парад, скорей напоминающий маскарад", – как впоследствии выразился Фресинэ. Толпы народа у Бастилии, по бульварам тянутся процессии, подвижная гвардия отказывается защищать Бурбонский дворец, восставший народ захватывает Собрание и

** Французский буржуазный публицист.

Городскую ратушу, все как 24 февраля***. Что же это, снова 24 февраля? Нет. Национальная гвардия уже больше не за народ; она выступает на поддержку Палаты, арестует зачинщиков, закрывает клубы, в общем восстанавливает порядок. Несколько дней спустя, за обедом у Токвиля, все сходятся на том, что не пройдет и трех месяцев, как на улицах начнется бой и анархические слои населения будут подавлены.

Демонстрация 15 мая была нелепостью; Прудон предугадал, чем она кончится, и уговаривал "пресных идеологов и безмозглых клубистов" "не итти на манифестацию, ненужную и опасную по своим последствиям". Последствия? Разрыв между Собранием и народом, разрыв между Парижем и провинцией, разрыв между правительством и национальными мастерскими. Национальная гвардия, защищавшая Собрание, не вся состояла из парижан, в нее входило также и много жителей пригородов и провинциалов, прибывших на готовящийся праздник Мира. Правительство приглашало их на банкеты и выражало благодарность за поддержку; они имели честь стоять на карауле перед Бурбонским дворцом; депутаты делали им смотр. Провинциальные войска преисполнились сознанием, что они защитили порядок против бунтовщиков; они вернулись к себе, готовые лететь на помощь Парижу. Начиная с 15 мая провинция перестала быть верным отражением Парижа.

В толпе, демонстрировавшей перед Бурбонским дворцом, насчитывалось немало рабочих национальных мастерских: это был день полочки; рассказывали, что в движении принимало участие 14000 рабочих. Национальные мастерские уже не были в руках правительства. И на следующий же день после 15 мая их постиг смертный приговор. Но как же распустить армию, в которую входит больше 100000 безработных? Намечены большие работы, но у правительства нет денег. Национальные мастерские превращаются в перманентные клубы: тут спорят, пьют, подстрекают один другого и снова спорят. Министр общественных работ, доктор Трела, человек смелый, решает уничтожить их по возможности скорее и пытается принудить всех холостых рабочих, в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, записаться на военную службу; рабочих из провинций он хочет заставить вернуться в свои департаменты; он обещает организовать сдельную работу, арестует и подвергает заключению заведующего рабочими мастерскими Эмиля Тома и замещает его инженером политехникума Лалан (26–27 мая).

Три дня спустя, на заседании Собрания, де-Фалу характеризует мастерские, как очаг перманентной забастовки и развращения. Его жестокие слова становятся известными рабочим, агитаторы обходят собрания и всюду повторяют, что с трибуны народных представителей по

*** В этот момент произошел комический инцидент: Барбес и его друзья, расположившиеся в кабинете генерального секретаря, разбрасывали из окон прокламации, написанные наспех и провозглашающие роспуск Собрания. Между тем мэр Парижа велел отпечатать в маленькой типографии, помещающейся на одном из чердаков Городской ратуши, контр-прокламацию, некоторой следовало, что Собрание отнюдь не распущено, и велел ее разбросать из окна, расположенного у другого конца дворца.

их адресу был брошен оскорбительный эпитет "бездельники". Они отлично знают,

Учредительного собрания Араго, Гарнье Пажес и Паньер тщетно пытаются внести примирение. Подвижная гвардия на деле постепенно приучается к дисциплине. Скопления тревожат Собрание. Оно проводит драконов закон, смешной именно чрезмерной суровостью, "взятый у черных дней сентябрьских законов", — пишет католик из умеренных. Республиканцы ропщут: "Мы сражались, чтобы добиться права собрания, а его у нас отнимают!"

Чтобы отвлечь праздную толпу, "развлечь народ, который не умели ни вести ни занять работой", устраивается праздник Мира: проходят колесницы, запряженные ломовыми лошадьми и украшенные снопами ржи; прибывшая из провинции национальная гвардия прикрывает церемонии молодых девиц, буржуазия подсмеивается над этим церемониалом, взятым из шаблонов революции; им недостает непосредственности 1793 года.

На эту официальную идиллию рабочие отвечали большим демократическим банкетом по подписке в 25 сантимов с человека. Запись принималась в редакции "Пер Дюшен"; в списках значится много рабочих национальных мастерских. Что же это будет? Сборный пункт для начала восстания, как думают шпионы, вмешивающиеся в толпу на улицах. Срок банкета переносится изо дня в день; сначала он был назначен на Иванов день, 24 июня, потом откладывается до 14 июля.

Собрание настроено нервно: правильно или нет, в национальных мастерских видят зачинщиков неудавшегося выступления 15 мая. С этим нужно покончить! Вот порядок дня, переходящий в Бурбонском дворце из уст в уста; докатывается он и до ушей безработных, на улицу. С этим нужно покончить! Не стоит изучать проекты новых работ, не к чему проводить фонды; рабочие тщетно составляют воззвания, умоляя дать им полезной работы, тщетно они предупреждают, что сами опасаются дурных советов, внушаемых голодом и силой отчаяния; "с этим нужно покончить!" Виктор Гюго заявляет на пленарном заседании, что национальные мастерские оказались громадной силой, использованной прямо в убыток, и что в конечном счете они никаких результатов не дали. Но нужно быть осторожным; пусть никто не посмеет нам сказать: "вы создали безработных, потому что вы породили нищету", "нужно остерегаться, как бы не создать преторианцев восстания на службе диктатуры". Лалан жалуется молодому Фресинэ, тогда еще студенту горного института: "Что же будет, — а к этому идет, — когда мне велят распустить национальные мастерские? там столько порядочных людей, у которых нет других средств к существованию. Свое место на фабрике они потеряли. Что же они будут делать? Это рекруты, обреченные на восстание!"

"С этим нужно покончить!" 21 июня постановление, подавшее такие тяжелые опасения, подписано: рабочие от 18 до 25 лет, записанные в национальные мастерские, обязаны поступить на военную службу, остальные должны быть готовы к отправке в провинцию, на земляные

работы. Банкир Дамбрез в восторге, он ненавидел "всех этих фантазеров, всех социалистов: к счастью, все кончено, кончено благодаря де-Фалу. Счастливого пути! Пусть они убираются!" Не так думал министр внутренних дел Рекюр. Он говорил уже давно, как только правительство впервые надумало расформировать мастерские: "Это — страшное заблуждение, это значит — завтра восстание!" По получении декрета Лалан сказал Фресинэ: "Страшная ошибка свершилась, как бы республика от нее не погибла!" "Она и действительно погибла от нее", — прибавляет Фресинэ в своих мемуарах, потому что переворот 2 декабря 1851 года был бы немыслим без воспоминаний о страшной драме июньских дней.

К драме идет подготовка; после 15 мая, после паники, охватившей Собрание, воздушный телеграф работает усердно; требуется помощь провинциальных гарнизонов, подкрепление солдатами, нужны верные офицеры, пищевые припасы. 30 мая министр телеграфирует: "Мои приказания, касающиеся движения поездов, должны исполняться независимо от требований правительственных комиссаров" 13 июня: "Приказываю городу Лиллю незамедлительно выслать в Париж все запасы сухарей, находящиеся в Дуэ и в Арасе"; и, наконец, 16 июня: "Лилль обязуется немедленно отправить железной дорогой, большой скоростью, все котлы, имеющиеся в Лилле и в Сент-Омере". Дело в том, что армия возвращается в Париж небольшими отрядами: несколько полков из тех, что демонстрировали в день праздника Братства, 20 апреля, так больше и не уехали; буржуазия и национальная гвардия братаются с солдатами, которых принимают как спасителей, спасителей на завтрашний день, так как все уже начинают бояться. Тогда же назревает решение сократить национальные мастерские; мобилизация в подвижную гвардию усиливается. Стоящий во главе ее генерал одобряет политические соображения, по которым правительство стремится "согласовать усовершенствованную организацию национальных мастерских с новым набором "добровольцев подвижной гвардии". В то время насчитывалось до 15 000 солдат национальной гвардии, считалось желательным довести число их до 20 800. Но сколько материальных препятствий! Со времени усиления парижского гарнизона в городе не хватало ни казарм ни хотя бы даже других подходящих помещений. Пришлось ограничиваться одной койкой на двоих и даже размещать уже не на матрацах, а просто на полу. Думали даже было оставить добровольцев ночевать у себя на дому или у их бывших хозяев: Париж переполнен войсками. Им делают смотр, говорят речи: 19 июня — смотр кавалерии, 20 июня — смотр республиканской гвардии; член Учредительного собрания Араго убеждает ее в случае необходимости защитить республику.

В префектуру стекаются сообщения полиции; все они предвещают волнения. Доктор Пинель Граншан, который уже с 15 мая взял на себя тяжелую обязанность заведывания управлением XII округа (нынешнего V), предвидит бунт и требует войск; никаких войск ему не дают. "Мы приближаемся к кризису, мы стоим на вулкане, у нас в мэрии от 15 до 20 тысяч патронов, а их не убирают. Ведь это настоящая приманка для готовящегося восстания". Кто-то предлагает вооружить Нормальную

школу****. Правительство отказывает, уверяя, что бояться нечего. А между тем пороховая бочка уже заполнилась заново тотчас же после 24 февраля; откуда же падет искра, которая вызовет взрыв?

Она падет из национальных мастерских: вечером 21 июня, как только распространяется известие, что постановление подписано, когда рабочие узнают, что они должны или пойти в солдаты или же немедленно отправляться на земляные работы, когда рабочие по установке машин, механики и типографы соображают, что перед ними одна тяжелая перспектива черной работы во вредных климатических условиях Солоньи****, они поддаются взрыву негодования: они высыпают на улицы с пением марсельезы; за ними по пятам следуют люди, переодетые в блузы, агенты-provокаторы. Они кричат: "да здравствует Наполеон!" Сборным пунктом назначена площадь Пантеона, на следующий день, к 9 часам утра.

На следующий день, в назначенный час, процессия от 12 до 15 000 рабочих национальных мастерских со знаменами выходит на площадь Бастилии и идет к Пантеону. Тогда всплывает новый человек, один из тех деятелей, которых всегда выдвигают на первый план народные волнения, потому что они умеют увлекать за собою толпы: Луи Пюжоль, лейтенант национальных мастерских. Ему всего 26 лет, но он уже имеет за собою довольно богатое прошлое; исключенный из духовного семинария, он записался в один из африканских полков; в момент, когда разразилась революция 24 февраля, он находился в тюрьме; революция его освободила. Человек властный, с задатками мистицизма, пылкий и красноречивый, он оказывает на рабочих большое влияние. После 15 мая он опубликовал сочинение, озаглавленное: "Пророчество кровавых дней", в котором для воодушевления рабочих пользовался библейским слогом: "они надеются — правители — оставить народу дни агонии, а себе — пиры и опьянение золотом". Легкая и опасная фразеология!

Пюжоль становится популярным оратором; он ведет рабочих не в Пантеон, а в Люксембург, где заседает Комиссия исполнительной власти. Мари принимает его вместе с четырьмя рабочими. Это тот самый Мари, который 26 марта говорил в национальных мастерских: "Да! вы действительно достойны завоеванной вами свободы, вы в самом деле достойны жить под знаменем республики, которую основали вы; на этот раз республику у вас не отнимут!" 22 июня, придя в ужас от выступления делегатов, он заявляет Пюжолю весьма решительно: "Раз рабочие добровольно в провинцию не уезжают, мы их заставим повиниться силой; слышите, что я говорю?" — "Силой, — отвечает Пюжоль: — отлично! теперь мы знаем то, что нам нужно было знать". — "А что же вам нужно было знать?" — "Что Исполнительная комиссия никогда искренно не добивалась организации труда. Прощайте, гражданин".

Пюжоль и четверо делегатов нагоняют рабочих, поджидавших их на

**** Педагогический институт.

***** Болотистая местность в центральной Франции, к югу от Парижа. (Примеч. переводчика).

площади Сен-Сюльпис. Поднявшись на край фонтана, Пюжоль дает отчет в том, как он выполнил данное ему поручение; церковный колокол мешая толпе слушать, рабочие поднимаются на колокольню и прекращают звон. Пюжоль назначает своим товарищам свидание у Пантеона вечером к 6 часам. Толпа расходится при криках: "Да здравствует Барбес! Да здравствует Наполеон! Да здравствует Пюжоль!"

В назначенный час собирается на площади от 4 до 5000 рабочих; новая речь Пюжоля заканчивается возгласом: "Работы или хлеба!" Колонны, осененные двенадцатью знаменами национальных мастерских, проходят по улице Сен-Жак с возгласами: "Работы! Работы! Хлеба! Мы остаемся! Мы остаемся!" Рабочие переходят Сену, проходят через предместье Сен-Антуан, толпа по дороге все растет, и наконец, когда темнеет, все возвращаются на площадь Пантеона. "К сумеркам, — доносит позднее Каде-Гасикур, мэр VI округа, — они собираются на площади в полном порядке; площадь быстро заполняется; тогда приходит какой-то человек, говорят — тот самый, который накануне стоял во главе депутации, посланной к гражданину Мари; его поднимают на руках над оградой Тампля, так что он господствует над всем собранием, площадь освещается десятком зажженных факелов; оратор с жаром высказывается за необходимость снова зажечь революцию, он зовет на баррикады, и вся толпа громко клянется не отступить. Сборным пунктом опять назначается эта самая площадь, на утро к шести часам; все расходится в таком же порядке, как и пришли". Каде-Гасикур добавляет: "Что же делали в это время министры, парижский мэр, префект полиции, комиссары и все столичные полицейские агенты? То же, что они делали за всю неделю: ровно ничего!"

А в то время, как рабочие, сойдя с горы Сент-Женевьев, проходили по улицам Парижа, распространяя по городу весть, что на следующий день ожидаются события, занавес Французского театра подымался перед залом, переполненным прелестными женщинами и остроумными кавалерами; шла премьера: "Ни за что не поручишься".

Это был вечер, "схваченный на-лету"; "а на следующий день, до свидания! актеры, директор, автор, суфлер, у всех у нас, — пишет Мюссэ", — в руках была винтовка, вместо оркестра — пушка, для освещения — пожар и партер взбешенных вандалов..."

***** Автор пьесы. (Примеч. переводч).

***** Здесь место отметить любопытную дальнейшую карьеру авантюриста Пюжоля. В июньские дни он сражался, был ранен и арестован. Его решили было сослать в колонии, но сестра его добилась у Наполеона III амнистии. Он поступил на службу управления Южных железных дорог, в 1853 году подвергся преследованию за политические убеждения, бежал в Испанию, похитил там какую-то женщину, уехал в Лондон и занялся учительствованием; свою подругу он бросает и женится на англичанке; из Англии перебирается в Америку, основывает там пансион для молодых девиц, принимает участие в войне между штатами в качестве солдата северной армии и, наконец, в 1866 году погибает при кораблекрушении.

В то время как хорошенькие женщины и их блестящие кавалеры аплодировали диалогу дяди Ван-Бука и его племянника Валентина, в эту самую короткую в году июньскую ночь у рабочих в предместьях шло совещание. В 10 часов вечера полицейская охрана разослала председателю Собрания, генералу, командующему национальной гвардией, и военному министру оповещения, что толпа кое-где угрожала разоружить военные патрули, что в районах Сен-Дени и Сен-Мартэн были попытки построить баррикады, но что шумные толпы разошлись, сговорившись однако снова собраться на следующий день, 23 июня, к 6 часам утра на площади Пантеона. Префект полиции просил Исполнительный комитет прислать два пехотных линейных батальона и два кавалерийских эскадрона к Пантеону еще раньше. Итак, правительство предупреждено.

В назначенный час несколько тысяч рабочих занимают площадь Пантеона: их поджидает всего несколько, конечно, совершенно беспомощных агентов полиции. Вскоре к толпе подходит выделившийся накануне вождь Пюжоль и произносит речь. Почти все трогаются по направлению к Бастилии с криками: "Пойдет! Пойдет!"^{*****}, "Ламартина на фонарь! Ламартина повесить!" Знамена развернуты, впереди шествуют сотни уличных мальчишек, предводительствуемые тамбур-мажором, вновь испеченным. Толпа окружает Июльскую колонну. Пюжоль поднимается на пьедестал, командует: "Шапки долой, на колена!" Перед лицом коленопреклоненного народа он взывает к героям Бастилии и кончает возгласом: "Свобода или смерть!" — "Свобода или смерть!" повторяет за ним толпа. Молодая цветочница преподносит Пюжолю букет: он привязывает его к древку знамени, и толпа снова приходит в движение. Идут по бульварам; конечная цель — Собрание. Поднявшись к улице Сен-Дени, вес останавливаются; раздаются свистки, толпа набрасывается на омнибус, останавливает лошадей, сбрасывает кучера с козел, ссаживает пассажиров и опрокидывает вагон с криками: "На баррикады, на баррикады!" На зов народа изо всех кабаков, окрестных аллей, отовсюду, из домов бегут люди на подмогу: мужчины вооружены винтовками, одеты в блузы, подпоясанные платком, который сходит за патронташ; кто набрасывается на вагоны пригородной дороги кукушек Сен-Дени, кто на телеги водовозов, на случайно проезжавший шикарный кабриолет. Лошадей распрягают, коляски опрокидываются и расставляются рядом с омнибусом; часть бульвара перегорожена. Эту первую баррикаду в районе воздвигают очень быстро: ее тотчас же занимают от 50 до 60 женщин; одна из них водружает наверху трехцветное знамя с надписью:

"Национальные мастерские, IV округ, 5-ая секция". Тем временем другие пробираются к стройке против аллеи, ведущей к Булонскому лесу, в предместьи Сен-Дени; леса вырываются, воздвигается новая баррикада, высотой превышающая одноэтажный дом. На углу Абукирской улицы и

***** Французская революционная песня: "Ca ira, pa ira!" (Прим.переводч.).

улицы Сент-Аполин строится тройная баррикада, еще более грозная; она перерезывает и эти две улицы и улицу Сен-Дени, в начале бульвара Бон-Нувель.

Движение распространяется дальше: одновременно и в других пунктах улицы Сен-Дени тоже воздвигаются баррикады; так же обстоит дело и по всему предместью, вплоть до улицы Энгьен. Баррикады также строятся и в улицах Рамбюто и Сен-Мартэн. Случайных прохожих обязательно заставляют вносить свою долю, хотя бы в виде одного камня с мостовой. В предместьи Сен-Дени из мастерских механика Кав достают локомотив, кадки из-под щелочей и листы железа; на улице Рамбюто толпа народа снимает с готовых к отправке дилижансов сундуки пассажиров и взгромождают и их. Из всех баррикад самая внушительная у Сен-Мартэнских ворот. Вышку укрепления занимают пятеро женщин, из них одна в трауре; они размахивают саблями и бердышами, взятыми в складе театральных аксесуаров у Сен-Мартэнских ворот. Одна из них машет трехцветным знаменем. В 11 часов префект полиции доносит исполнительной власти: "У Сен-Мартэнских ворот и у ворот Сен-Дени только что выстроены баррикады. Они сделаны из опрокинутых вагонов; над ними развеваются знамена, рабочие призывают к оружию; на площади Бастилии лопнули skóry нескольких барабанов". Бой начнется скоро.

Чтобы представить себе занимающийся бой, нужно забыть знакомый вам Париж и мысленно воскресить перед собою Париж 1848 года: откиньте усилием воображения крупные артерии, которые в наше время идут от Сены к периферии: бульвар Сен-Мишель, Севастопольский бульвар, Страсбургский бульвар, остановите улицу Риволи у собора Оратория Лувра и предположите, что сгоревшая в 1871 году Городская ратуша вздымается среди целого лабиринта маленьких проулков. Несмотря на предостережение, данное революцией 1830 года, правительство Луи-Филиппа производило дальнейшую прокладку улиц безо всякого общего плана; во всем густо населенном и революционно настроенном Париже оно проложило лишь одну широкую улицу, улицу Рамбюто, и даже относительно нее не замедлило выясниться, что и она слишком узка. В остальных частях города работы производились лишь частично: здесь славывалась какая-нибудь кучка домов, там расширялась только часть улицы. Кредиты распределялись небольшими суммами, в зависимости от соревнования и противоречивых интересов отдельных членов муниципалитета. От центра Парижа, на который неизменно направляется внимание всех революций, не было никаких перпендикулярных путей. Все широкие улицы, ведущие по ту сторону внутренних бульваров: улица Сен-Дени, улица Сен-Мартэн, улица Сен-Жак, "широкие улицы" того времени, — доходили, как до тупика, лишь до компактной массы домов, образующих старый Париж. Только узкими улицами и переулками, точно извилистыми ходами червяков, пробирающихся к сердцевине плода", можно было дойти до Городской ратуши и к Сене. С улиц Сен-Мартэн и Сен-Дени к набережным можно было пройти лишь узенькими проходами, напоминающими горлышко воронки. Улица Сент-Антуан, достаточно

широкая от Бастилии до площади Бираг, дальше у Городской ратуши становилась совершенно неудобопроходимой.

А Городская ратуша? Все революции хотели овладеть ею, потому что все они были революциями чисто парижскими, потому что здесь всегда располагалась власть; здание ратуши представляло собою как бы крепость; площадь, окружавшая ее, была узка. Против центральной части здания, по ту сторону площади, дома выступали на ширину улицы, и из окон "Якоря небольшой добродетели"***** можно было видеть все, что происходит в залах публичных заседаний. Целиться оттуда также было очень удобно: площадь открывалась лишь на маленькие смрадные улицы Ваннери, Жан-дель-Епин, де-ла-Таннери; к Городской ратуше можно было подойти лишь со стороны набережной и через Аркольский висячий мост, который начинал шататься, чуть на нем набиралось побольше народу.

Внешняя городская стена, — которую нынче разбирают по кускам, — была уже закончена за несколько лет до того, но внутренние таможенные стены еще не были сняты и отделяли от административного Парижа предместья де-ла-Шапель, де-ла-Билет, де-Бельвиль, де-Менильмонтан, Жантильи и т.д., еще представлявшие собой в сущности настоящие деревни, обнесенные только что достроенными укреплениями. Таможенная стена была пробита рядом застав — заставы Мартир, Вертю, Билет, Шопине и т.д., являвшиеся прекрасными опорными пунктами для восстания. Сражение естественно должно было разгореться между Городской ратушей и таможенной стеной, отсюда пойдет борьба воинских частей, стоящих на стороне власти, против парижских революционеров, подкрепленных контингентами, подоспевшими из Бельвиля, Куртиль, Шапель, Пантен и Обервилье.

За последние 20 лет Париж видел баррикады уже шесть раз: в 1827 г., 1830, 1832, 1834, 1839 и, наконец, меньше четырех месяцев тому назад, в феврале. С момента падения Реставрации народные волнения находили себе исход в баррикадах: иногда ограничивались одной или двумя улицами, и сражение разражалось лишь в пределах одного района, но бывали другие случаи, как например в 1830 г. и в феврале 1848, когда баррикадами покрывалось больше половины Парижа. "Навык к баррикадам всюду порождает и соответственную психологию".

На собрании у Пантеона решено было начать бой; бригадиры национальных мастерских, которых легко было узнать по голубым фуражкам с золотым галуном, стали во главе движения: вот уже три месяца, как они делают окопы, совершенно никому ненужные; на этот раз они наконец добились работы, всюду возникают артели, строятся баррикады: еще до 10 часов они уже готовы у Пантеона, у госпиталя Питье, в районе Менильмонтан, у башни Сен-Жак, в Попинкуре, в предместьи Пуаесоньер и в Ла-Вилет. К 12 часам вся восточная часть Парижа на-чеку.

Сеть барикад перерезывает Париж на две приблизительно равные

***** Общеизвестная в ту эпоху торговая марка торговой фирмы.

части, от заставы Сен-Жак, за Обсерваторией к заставе Рошешуар: если провести между этими двумя пунктами линию, которая проходила бы через Валь-де-Грас, улицу Сен-Жак, улицу де-Гре, и улицу де-ла-Гарп (бульвар Сен-Мишель), улицу де-ла-Барильери (Дворцовый бульвар), мост Биржевой, рынок дез-Иносан, ворота Сен-Дени, Жимназ, улицу Рише, улицу Каде и улицу де-ла-Тур-д'Овернь, то она обозначит границу между восстанием и порядком. Городская ратуша представляет собою островок посреди моря взбунтовавшегося Парижа. На левом берегу площадь Мобер и Пантеон — точно две крепости, соединяющиеся с таможенными заставами, улицей Муфтар и улицей Сен-Жак; на улице Муфтар стоит пройти тридцать шагов, чтобы натолкнуться на баррикады. В старой части города единственными путями сообщения между обоими берегами Сены являются несколько небольших забарикадированных улиц. На правом берегу восставшие окружают Городскую ратушу; они занимают улицу Планш-Мибре (теперешнюю улицу Сен-Мартэн), набережную де-Жевр, подходы к церкви Сен-Мери и улицу Блан-Манто до улицы Виейль-дю-Тампл; за Городской ратушей они подступают к церкви Сен-Жерве и занимают площадь Бодуане, а еще дальше, позади, через улицу и предместье Сент-Антуан, они сообщаются с площадью Трона. С первого же дня от Городской ратуши до Бастилии насчитывается больше 14 барикад, а от предместья Сент-Антуан до площади Трона двадцать девять.

Правое крыло достаточно внушительно: все переулки между Сен-Мери и музеем Труда***** очень узки: они переплетаются, извиваются и перекрещиваются под прямым углом; это переулки Сен-Пакен, Сен-Маркуль, Сент-Анери, Жапи, Баилли, Фре-пильон; часто они сообщаются сводчатыми, сжатыми и непроницаемыми проходами и в общем совершенно неприступны. Инсургенты вышли на улицу Транснонен, в которой еще были живы воспоминания о недавнем убийстве. Мимо бульваров, мимо Сен-Мартэнского предместья, мимо рва строящейся Восточной железной дороги, мимо канала Сен-Мартэн инсургенты подходят к таможенной стене ла-Вилет. Все улицы между Билет и Бастилией, то есть те самые улицы, в которых их в свое время можно было обратить в бегство, унижены барикадами.

Был ли у инсургентов план действий? Общество прав человека, поставленное на военную ногу, разделенное на сотни, уже издавна изготовляло патроны и подразделило Париж на стратегические округа, но план навязывался сам собою; так как конечная цель заключалась в захвате Городской ратуши, то надо было постараться окружить ее барикадами и основательно занять наиболее заселенные районы, то есть те, в которых можно было поручиться за национальную гвардию. Рассказывают, что, благодаря нескромности каких-то служащих военного министерства и префектуры полиции, инсургенты имели в своем распоряжении сведения о плане, намеченном префектом Делесер. На основании сведений, полученных им от Бюго, префект заранее указал на

вероятное расположение барикад и на пункты, которые необходимо занять воинскими частями. Но, повторяем, главные особенности плана были продиктованы воспоминаниями июльских дней 1830 г. и февральских 1848 г.

Работе на барикадах никто не препятствовал; рабочие строили барикады с ловкостью и по правилам заправских инженеров; разбирали мостовые лишь поскольку это было нужно, чтобы сложить с помощью четырехугольных камней, — тогдашних громадных булыжников, — толстую стену, очень крепкую и вместе с тем достаточно аккуратную на вид; ее не доводили до домов, а оставляли небольшое пространство вдоль домов для прохожих. В самом укреплении они устраиваются на свободных началах, но вместе с тем — и как полагается по дисциплине; среди них много старых солдат. У заставы Сент-Антуан организуются посты для охраны таможи; когда у барикады улицы святой Екатерины какой-то пьяница вздумал крикнуть: "Давайте жечь!", товарищи немедленно его арестовали; на улице Сен-Мартэн магазин одного ювелира не закрывался вовсе и никто до него не дотронулся, а в нескольких шагах поодаль было произведено нападение на лавку скобяника. По окончании сражения, Меримэ, скептик, надменный аристократ, писал мадам де-Монтижо: "Что касайся инсургентов, для них дело шло о том, чтобы разграбить Париж и установить правительство гильотины; мы же должны были защищать нашу шкуру". Но немного дальше он сам же рассказывает, что, когда в воскресенье он отправился осматривать дома улицы Сент-Антуан, из которых только что выгнали инсургентов, жители ему говорили, что у них ничего не отнято. На магазинах инсургенты писали мелом: "Смерть вора!" В течение тридцати шести часов они были хозяевами тюрьмы ла-Форс, находившейся под охраной лишь слабого поста национальной гвардии. Революционеры велели страже ни во что не вмешиваться и заняться исключительно наблюдением за арестованными, обещая, что ее зато никто не тронет. Между тем в заключении находилось от семи до восьмисот уголовных и такое количество живой силы безусловно пригодилось бы как подкрепление. Пусть, кто может, объяснит подобные противоречия, эту смесь великодушия и варварства. Чтобы объяснить ее, нужно было обладать пониманием народной психологии, а его, конечно, недоставало скептику Меримэ.

В Люксембурге Исполнительная комиссия держалась час за часом в курсе подготовлений к восстанию. Уже с утра один из командиров одиннадцатого легиона ходил предупредить Араго, — он его застал еще в кровати за газетами, — что в толпе уже слышатся голоса, обвиняющие комиссию в измене. "Пусть бьют сбор", тотчас решил Араго, но полковник легиона, Эдгар Кинэ, хотел получить письменный приказ, а ни пера ни чернил не находилось. Немного позднее, пока части готовились идти к Пантеону, приходит приказ отправить тысячу солдат национальной гвардии к Собранию. Араго возмущен; он топает ногами. "Это чорт знает что такое!" — кричит он, (историки не повторяют всех его выражений, недостаточно торжественных для данного случая): — "кто же это дает

***** По-французски Conservatoire des Arts et Metiers. (Примеч. переводч.).

такие приказания? бегите, остановите их!" На площади Сен-Сюльпис комендант Теиль догоняет части, которые Кинэ, послушный приказу, вел к Собранию. Несколько офицеров возвращаются в Люксембург, объясняют Гарнье-Пажесу, что нужно идти на баррикады. — Баррикады, баррикады? Пусть они вас не беспокоят, — иронизирует Гарнье-Пажес: — их всегда можно будет разобрать точно так же, как их построили, — и он прибавляет, что у Кавеньяка есть свой план и что он состоит в том, чтобы собрать все воинские части у Собрания* а оттуда двинуться на приступ. В это самое время генеральный секретарь комиссии отпускает директора Нормальной школы, явившегося в куртке, в фуражке и с шашкой в руке, во главе своих учеников, со словами: "Возвращайтесь, господа, возвращайтесь к себе в школу, учитесь спокойно, ничего не случится!" Когда же убеждение, что что-то такое все же случится, наконец,росло и к министру стали притекать просьбы о подкреплении, то они вначале долго оказывались тщетными.

Пост военного министра занимал генерал Евгений Кавеньяк, брат Годефруа Кавеньяка, республиканца, преждевременно умершего за несколько лет до революции 1848 г.; он также был республиканцем и позднее доказал это, отказавшись присягнуть империи, но парижского народа он не знал и парижских бунтов не пережил; по существу это был человек военный, солдат африканских походов: свою блестящую карьеру он проделал в Алжире, а когда 15 мая Исполнительная комиссия решила поручить ему министерство, он состоял там губернатором.

Правительство просило его подкрепить парижский гарнизон, и он в самом деле доставил из провинции воинские части; когда затем Ламартин, предвидевший восстание, "стал доносить, его своими замечаниями", он отдал приказание, чтобы выслать еще батальоны, так что впоследствии, он, правда, имел основание ответить лицам, обвинявшим его в небрежности, что он сделал все возможное, чтобы дать отпор восстанию. Но он хотел, чтобы находящиеся в его распоряжении части выступили как настоящее войско и чтобы они не брали на себя чисто полицейских предупредительных мер для приостановки народного движения. От него требовали сильных пехотных и кавалерийских патрулей, которые воодушевили бы национальную гвардию. Его умоляли занять стратегические пункты, чтобы предотвратить стройку баррикад; наконец, когда появились первые баррикады, то его же стали просить приступить к действию немедленно и занять их, пока еще есть время. Но он остался глух ко всем аргументам. Повести в бой полк, который мог бы быть окружен, значило для него рискнуть честью своей армии, и, не желая рисковать ею, он не помешал дальнейшему развитию восстания. Он хотел повести осаду революционного Парижа точно так же, как он вел осаду лагерей арабов в Алжире. На совещании правительства штатские, имевшие уже революционный опыт, — потому что они участвовали в предшествующих революциях, — требовали немедленного выступления. Министр внутренних дел, доктор Рекюр говорил в ночь с 22 на 23: "Сейчас еще можно все остановить". Когда же военные, Кавеньяк и Клеман Тома, заявили, что надо еще обождать, он громко протестовал и

крикнул: "Значит, вы хотите сражения, это безумие!" Араго настаивал, что лучше пойти на некоторые частичные урны, но зато уничтожить баррикады в самом их зародыше, но Кавеньяк не желал компрометировать свою армию ради защиты парижских "лавок". Ламартин думал сохранить национальную гвардию как резерв, но он, наоборот, решил противопоставить восстанию ее одну; ближайшим его друзьям не удалось поколебать его, и впоследствии Ламорисьер говорил, что борьба затянулась так долго именно потому, что в первый день правительство не пожелало прибегнуть к решительным мерам.

Кавеньяк понимал дело так, что он стоит перед городом, который требуется взять; он готовил свои колонны, чтобы идти на приступ. Между тем опыт его предшественников должен был бы научить его, что он ошибался; ведь не мог он не прочесть в министерстве инструкции, данные маршалом Жераром в 1839 г. на случай восстания: "Перережьте Париж по всем направлениям сильными патрулями, прикрывайте эти патрули резервами, которые могут пригодиться для частичных операций, свяжите занятые пункты между собою удобными сообщениями..." Жерар ведь находился в Париже в 1830 году, восстание он видел собственными глазами и, хотя и стоял в рядах победителей, но отдавал себе ясный отчет в ошибках, совершенных приверженцами короля.

Первая кровь льется у ворот Сен-Дени: в течение целого утра били сбор, а потом тревогу; национальная гвардия восточных районов не отозвалась; собралась лишь гвардия западных районов, районов буржуазных; в центре наблюдается нерешительность: в четвертый легион например, в который входит от 12 до 15 000 солдат, поступило всего 300 солдат; одиннадцатый (Люксембург) насчитывает не больше 20 человек на роту, в которую должно входить 300. В 1842 г. Ланкетен писал: "Раз только у нас будут районы аристократические и районы пролетарские, районы финансистов и районы безработных, а следовательно и роты национальной гвардии, одни в желтых перчатках и лакированных сапогах, а другие с мозолистыми руками, мы нарушим главные основы общественного порядка и подготовим нашей стране ужасающие бедствия". Наступал момент, когда Париж в самом деле должен был быть перерезан на две части.

Между 12 часами и часом человек тридцать солдат национальной гвардии выходят через бульвар Бон-Нувель к воротам Сен-Дени, защищенным сильной баррикадой, перерезывающей бульвар от улицы Мазагран до улицы де-Клери; ставни на окнах домов приподнимаются, инсургентам подаются сигналы, национальная гвардия встречается залпами из-за баррикады и из домов, выходящих на бульвары. На шум перестрелки прибегает рота второго легиона, а затем еще батальон. Один офицер выходит вперед вместе с полицейским приставом и приступает к обычным предупреждениям. "Мы вам никакого зла не делаем, — отвечают восставшие: — оставайтесь вы у себя, здесь мы дома!" Момент молчания, затем вдруг открывается огонь; перестрелка ужасна, она длится от двадцати пяти до тридцати минут. Тут происходит сцена, от которой национальная гвардия приходит в ужас: по барикаде проходит женщина

высокого роста, красивая и молодая; на голове у нее кружевная косынка, руки оголены, на ней полосатое барежевое платье; она держит знамя; она выходит к улице Клери и словами и жестикующей грозит солдатам. Огонь с барикады не прекращается, национальная гвардия стреляет в свою очередь, женщина падает; тогда на ее место выскакивает другая, хватая знамя и бросает в осаждающих камнями: падает и она. Тогда солдат из отряда национальной гвардии бросается вперед с оголенной шашкой к барикаде, за ним бегут товарищи и захватывают позицию..... В этот момент, около двух часов пополудни, на бульваре появляются первые регулярные части под предводительством генерала Ламорисьер. Они тут же наталкиваются на траурную процессию тридцати носилок, это уносят солдат национальной гвардии, убитых во время первой стычки.

Между тем на левом берегу, у Пантеона, инсургенты и национальная гвардия входят в контакт: рабочие, собравшись поутру на площади, построили четыре сильных барикады; позже они строят еще и другие барикады посреди маленьких улиц между горой Сент-Женевьев и Сеной, а именно на улицах Нойе, Матюрен и Суфло. Мэр XII округа, доктор Пинель Граншан, весьма популярный среди своих служащих, известный своей благотворительной деятельностью, велит бить призыв. На него отвечает всего пятьсот человек из всех двадцати тысяч, входящих в двенадцатый легион. Пинель Граншан тогда пытается взять убеждением. Инсургенты заявляют ему, что они в Солонью уезжать несогласны и что они требуют работы. Мэр обещает им выступить посредником перед Собранием. В ответ инсургенты обещают соблюдать спокойствие. Неожиданно появляются воинские части, несколько взводов одиннадцатого легиона, предводительствуемые одним из помощников мэра. Они без всякого затруднения захватывают барикаду, выстроенную близ новой мэрии — теперешней мэрии V округа, и идут на приступ другой мэрии, находящейся в начале улицы Сет-Вуа (справа от Сент-Женевьев). Командующий 12 легионом, учитель лицея Корнеля, пытается остановить их; вмешивается и мэр и утверждает, что ему удастся убедить инсургентов. Колонна удаляется по направлению к Люксембургу. Там Араго с нетерпением поджидал результата экспедиции: она неудачна, но сила должна остаться за законом. Он решается сам стать в ряды отряда национальной гвардии, получившей теперь подкрепление пехотой, кавалерией и двумя пушками; около 12 часов пополудни он подходит к улице Суфло, перегороженной барикадой; он идет вперед один и подает знак, что хочет говорить; Пинель Граншан выходит ему навстречу. Инсургенты складывают у ног оружие и готовятся слушать своего старого представителя — ему сейчас 62 года; он обращает свою речь прямо: он упрекает рабочих за то, что они восстают против республики, но его быстро прерывают, и тогда-то начинается трагический диалог: "Почему вы восстаете против закона?" — "Нам уже так много обещали, — отвечают рабочие, — а слово держали так плохо, что мы уже больше не верим;

слова для нас уже больше ничего не стоят; нам нужны действия!" — "Но к чему барикады?" — "Ведь мы их воздвигали вместе с вами в 1832 г., — отвечают революционеры: — вы уже, значит, забыли монастырь Сен-Мери?" — "Но, господин Араго, — слышится чей-то голос, — почему вы нас упрекаете? вы никогда не голодали, вы не знаете, что значит нищета!" В отчаянии Араго возвращается к своим частям: "Придется решать силой!" Раздается барабанная дробь. Три положенные по закону предупредения, и пушки наводятся на барикаду; Араго идет во главе своих людей: но барикаду он находит брошенной. Спускаются по улице Сен-Жак, на улице де-Матюрен, — теперешней улице Сомер, тогда более узкой, — наталкиваются на барикаду, защищенную капитаном 12-го легиона. В результате краткой перестрелки барикада берется на штыки. Свидетели показывают, что, когда Араго отдавал приказ стрелять, голос у него дрожал от волнения и глаза были полны слез; слышали, как он умолял при этом ради самого неба стрелять вниз барикады. Он был великодушен хладнокровием, терпеливостью, твердостью, состраданием и отчаянием. Его части захватывают еще и другие барикады, верхняя часть горы Сент-Женевьев очищена. Араго возвращается в Люксембург; теперь будет действовать армия: генерал Дамем уже прибыл; он командует одной из колонн, сформированных Кавеньяком для укрощения восстания.

Итак, в пятницу до часу пополудни пущена в ход одна только национальная гвардия; отныне общепризнано, что организация у инсургентов весьма основательная: у них есть оружие — винтовки национальной гвардии, оружие, захваченное в феврале и запрятанное; их возглавляют офицеры национальной гвардии. Борьба предстоит серьезная.

Несмотря на полученное предупреждение, Кавеньяк разослал по частям приказ о выступлении лишь между девятью и десятью часами утра. Начиная с 10 часов, к сборным пунктам площади Согласия и к Елисейским Полям начинает прибывать пехота, кавалерия и подвижная гвардия из фортов Исси, из Бистра, из Бриш, из Иври и Роменвиль, из Сен-Клу, Мон-Валериена, Сен-Мора, Шарентона, Сен-Дени, улицы де-Лиль, де-Бабилен, из Отейля, Пасси, Пепиньер, набережной д'Орсэ, Марбеф, Военной школы и, наконец, позднее из Версаля. Кавеньяк формирует три колонны. Первая, под командой Ламорисьера, алжирского ветерана, получила, как задание, захват бульваров и ворот Сен-Дени. Она должна помешать инсургентам дойти до Городской ратуши, отбросить их к северо-востоку и пробраться до Бастилии. Вторая, под начальством генерала Бедо, также алжирца, но алжирца, о котором Токвиль говорил впоследствии: "он жалостлив, как будто не проходил через африканский поход," — должна охранять Городскую ратушу, остававшуюся во власти регулярных частей. Пехоте Реуилли, Попинкура и Куртиль удалось пробиться туда, перевалив через еще незащищенные барикады, уже поутру; но лошадей обер-офицеров пришлось при этом бросить. Третья колонна, порученная генералу Дамем, командующему подвижной гвардией, должна освободить левый берег, к югу запереть

***** Виктор Гюго, любящий контрасты, изобразил этих двух революционерок в виде публичных женщин.

перед инсургентами подходы к Городской ратуше, а затем подняться к Пантеону. Вокруг Собрания, для охраны его, а также и для резерва, несут караул три батальона, тринадцать эскадронов, а также и несколько батарей. У солдат в мешках припасов на четыре дня^{*****}. Правительство помнило предшествующие революции и трудность прокормить отдельные, случайно изолированные и окруженные враждебным населением воинские части.

Ламорисьер выходит с площади Согласия; в его распоряжение поступило около 5000 солдат; добирается через бульвары к Шато-д'О, на углу улицы Бонди, и здесь располагает свою главную квартиру. План сражения подсказывается самим направлением улиц, которые ему предстоит высвободить; четырем колоннам придется пройти по предместьям Пуасоньер, Сен-Дени, Сен-Мартэн и Тампля, чтобы отогнать инсургентов и отрезать им всякое сообщение с центром Парижа; но дело в том, что все четыре предместья унижены барикадами, а у Ламорисьера войска мало. Загородить подходы к четырем предместьям и помешать восставшим обогнуть их ему трудно; чтобы избежать нападения, он нападает сам; он хочет помешать дальнейшему продвижению восстания и поэтому сам стремится все время продвигаться вперед. Вначале он не доверял твердости национальной гвардии; но находящийся при нем в качестве ординарца гоффурьер, молодой Фридрих Дрейфус, с жаром заверяет его, что на нее положиться можно; генерал принял ее довольно сухо, но, узнав, что она успела уже прорваться сквозь ворота Сен-Дени, он больше не колеблется пустить ее в ход. Он также боялся и подвижной гвардии и мучился, задавая себе вопрос, на чью сторону она станет; но во время первых же операций ему удалось "весьма искусно скомпрометировать ее, и это вполне его успокоило. Выяснилось, что парижских уличных мальчишек можно использовать всерьез.

Колонны, завязавшие бой на улице Фобур-Пуасоньер и на улице Отвиль, натолкнулись у площади Лафайет на высокую барикаду, построенную из бочек для поливки, досок и камней с мостовых; защищается она рабочими механиками Северной железной дороги, прибывшими из ла-Шапель под командой капитана национальной гвардии. На углу улицы Вельфон и улицы Лафайет, на подмогу первой барикаде, выстроена еще и вторая. Генерал Лафонтен, с несколькими батальонами 2-го легиона, ротами 7-го легкого стрелкового полка и подвижной гвардией, бросается на приступ. В рядах этих частей идут, в качестве простых солдат, и несколько генералов в отставке. Один из них подает пример особой невозмутимости: он стоит совершенно спокойно, прямо посреди улицы, охотничье ружье, точно ненужное, висит у него через плечо. Войска идут беглым ходом под прикрытием огня, солдаты стреляют и из домов, куда пробились, пустив в ход ружейные приклады. Барикада берется с бою: у национальной гвардии двадцать человек

выбыло из строя, командир отряда Лефевр смертельно ранен.

Другая колонна, под командой генерала Рапатель, идет к предместью Сен-Дени, захватывает ряд барикад, построенных вокруг церкви Сен-Лоран, – представьте себе мысленно, что бульвара Мажента вовсе нет, – где 5-й батальон подвижной гвардии "пожал славу". Отлично, но позади частей, в завоеванных улицах, вновь воздвигаются барикады. На углу улиц Рише и Петит-д'Эжюри революционеры разбирают мостовую; на них нападают два взвода национальной гвардии и обращают их в бегство. Положение весьма опасно; Ламорисьер, который отвел свою главную квартиру в кафе на углу бульвара и улицы Сен-Дени, обеспокоен; он командует молодого Дрейфуса сказать Кавеньяку, что кварталы Сен-Дени и Сен-Мартэн очищены, но правое крыло становится в каждом часом все более угрожающим, так как инсургенты укрепляются в предместьях Тампля; воинских частей едва хватает, чтобы удерживать завоеванную территорию; необходимо подкрепления. Уверяют, что даже Кавеньяк взволновался. Он отлично знает смелость Ламорисьера, и Дрейфусу не приходится объяснять ему, какой опасности тот подвергал себя и какой он встретил прием у инсургентов, когда пытался убедить их вернуться к порядку. "Скажите генералу, что я сам приведу ему подкрепления..."

Сейчас уже около четырех часов. Кавеньяк, которому комитет Исполнительной власти только что вручил командование всеми воинскими частями, стоящими в Париже, дает приказ о выступлении семи батальонов и сам становится во главе колонны; вокруг него и прикрывая его, идут несколько депутатов: Жюль Фабр, Геккерен, де-Людр, Пьер Бонапарт, Тревенек, Дюклер и Ламартин. Над Парижем разражается гроза, дождь льет ручьями все время, пока по бульварам проходит необычайная процессия. Ламартина узнают: кое-где его освистывают, но кое-кто подходит к нему, умоляя подумать о бедствиях народа. Бывало, он успокаивал рабочих красноречивым словом, "которое, хоть и не подает милостыни, но все же обещает дать"; сегодня время слов прошло; инсургенты утром недаром говорили Араго, что они требуют действия.

Кавеньяк останавливается у главной квартиры Ламорисьера и выделяет из своих частей подкрепление. Ламорисьер должен охранять предместье Сен-Дени; сам же он продвигается дальше вместе с несколькими батальонами, проникает в предместье Тампля, идет наискось, вправо, по улице Сен-Мор, может быть надеясь обогнуть позицию у Бастилии. На высоте улицы Труа-Борн и Труа-Курон, улица Сен-Мор загорожена тремя рядами барикад; их защищает клуб монтаньяров Бельвиля, и сражаются там женщины, которых ведет старая революционерка, 72 лет, вдова Анри. Это настоящий редут, против которого части Ламорисьера сначала оказались бессильными; необходимо взять его. Слышатся обычные предупреждения, они попрежнему бесцельны. Тогда солдаты идут на приступ; рабочие встречают подвижную гвардию возгласами: "Да здравствует подвижная гвардия!", надеясь привлечь ее на свою сторону; но мобили

***** Уже с 16 июня по гарнизонам Парижа и окрестностям был отдан приказ раздать солдатам припасов на четыре дня в специально изготовленных для этой цели мешках.

непоколебимы; между тем стрельба на баррикадах и из окон очень меткая, жертв много; приходится пустить в ход целый ряд батальонов, крепость неприступна. На середину улицы вытаскиваются пушки, канониры падают сраженные, тщетно пытаются отдельные отряды обойти позицию. Кавеньяк вынужден просить у Ламорисьера вернуть отданное ему подкрепление; 29-й линейный полк подходит беглым шагом; бьют наступление; баррикада берется с боя. Ранено два генерала; триста солдат вышло из строя. Наступает ночь, сражение длилось несколько часов. Нечего и думать о том, чтобы продвигаться дальше. Солдаты спят на своих позициях, между тем как Кавеньяк со своей свитой депутатов возвращается в Собрание; в аптеках, набитых ранеными, зажигаются огни, и слышно перекликанье — "Кто там?" — стражи, охраняющей захваченные баррикады. С обеих сторон отдыхают от тяжелого дня сражения и готовятся к борьбе на следующий день. "Когда над городом нависли тени, все остановились", чтобы вздохнуть, перевязать раненых, унести убитых, привести мостовую в порядок и снова отлить пули..." В 2 часа утра Ламорисьер вместе со своими офицерами слегка закусывает, а затем снова садится за работу над планом Парижа...

Кавеньяк возвращается в помещение президиума Палаты, где расположил свою главную квартиру; уже 9 часов; он встречает Ледрю-Роллена, которого оставил, когда было около 4 часов, обещав вернуться через час. Свидание весьма бурно: Ледрю-Роллен с раздражением сообщает, что ото всех мэров Парижа к нему сыпались просьбы о подкреплении, что отовсюду слышны жалобы на то, что не видать войска, что к нему прибегало не меньше четырехсот ординарцев только с тем, чтобы сказать: "Нас перережут, нас предали!", что генерал Дамем не менее десяти раз присылал требовать подкрепление хотя бы с батальон и велел при этом сказать: "С одним свежим батальоном, хотя у меня всего только отряды национальной гвардии, я смогу еще до наступления ночи занять баррикады и захватить предместье Сен-Жак"; из Городской ратуши Бедо писал донесение за донесением, не переставая повторять: "Меня предают!" Один только Ледрю-Роллен, смертельно обеспокоенный, обращается к префектам Сены и Уазы, Луары, Соммы и Нижней Сены с просьбой выслать все имеющиеся в их распоряжении войска; он телеграфировал в Брест и в Шербург с просьбой немедленно отправить в Париж семь тысяч солдат; он отдал всем мэрам парижских пригородов приказ ударить тревогу в два часа; он отдал распоряжение начальнику Северной железной дороги выслать специальный паровоз, чтобы способствовать возможно быстрому прибытию по этой колее линейных войск...

Офицеры доносят генералу, что частям не хватит патронов; он отдает полковнику Мартимирэ приказ достать в Венсене 600000 патронов и 2000 снарядов, из которых одна треть гаубичных, и доставить их под прикрытием двух пехотных батальонов и одного кирасирского полка; таким образом организуется настоящая экспедиция; необходимо добраться в Венсен через Клиши, обогнув все районы Парижа, находящиеся во власти революционеров. Назначенные части выступают

ночью и возвращаются лишь на следующее утро к девяти с половиной.

Дав все эти инструкции, Кавеньяк снова садится в седло и отправляется в Городскую ратушу, которая стоит под серьезной угрозой; там он находит генерала Бедо, распростертого на носилках; он ранен выстрелом в бедро; бой был жестокий.

Было около пяти часов, когда Бедо решил пойти в наступление, очистить старую часть города (Ситэ) и соединиться с генералом Дамем на левом берегу. В эту минуту ему дали знать, что пришла депутация от инсургентов; он хотел сделать все, что в его силах, чтобы избежать кровопролития. "Генерал, — сказал ему вождь парламентариев, капитан национальной гвардии, — я пришел, чтобы убедить вас повиниться народу; народ желает занять Городскую ратушу и распустить Собрание; так или иначе он этого добьется..." Отвечает Бедо: "Учредительное собрание выбрано самим народом, войско ему предано и вам это докажет". Он пытается переубедить инсургентов, но все напрасно. Итак, ничего не остается, как сражаться. Бедо совещается с парижским мэром Марастом и артиллерийским полковником национальной гвардии Гинаром. Тотчас же формируются две колонны, которые должны идти на приступ; одна должна пройти через улицу и мост Арколя и очистить площадь Нотр-Дам, другая пройдет улицу Ситэ, улицу Барилери, мост Сен-Мишель и продвинется к левому берегу; конечной целью обеих является улица Сен-Жак и Пантеон.

По данному сигналу — шесть пушечных выстрелов — наступление должно начаться с обеих сторон.

Первая колонна, во главе которой стоит помощник парижского мэра Эдмон Адан, захватывает первую баррикаду Пети-Пон, но, при выходе на улицу Сен-Жак, наталкивается на очень сильное сопротивление. Бой длится два часа. В палатах госпиталя Отель-Дье, посреди коек больных устанавливается пушка, и только с ее помощью удается пошатнуть баррикаду и, наконец, взять ее на штыки. Инсургенты прячутся в доме, нижний этаж которого занят магазином новинок, с великолепной вывеской, изображающей "Двух Пьеро", наряженных, чтобы идти на бал; нехватает патронов, начальник революционеров, на этот раз офицер национальной гвардии, велит барикадироваться в каждом этаже, но они не успевают; вслед за ними проникает в дом подвижная гвардия, обшаривает его штыками, и на лестницах, в погребах, за конторками, во всех закоулках, на чердаках идет побоище; если кому удастся выбежать на крышу, то и там не спастись; мобили стреляют из-за угла и забавляются зрелищем того, как революционеры падают и разбиваются о мостовую; а поодаль подвижная гвардия созывает видимость военного совета и по постановлению полевого суда тут же производит массовые расстрелы.

Вторая колонна очищает мост Сен-Мишель и по улице Ла-Гарп выходит на улицу Сен-Жак, где присоединяется к первой колонне; инсургенты твердо укрепились за баррикадами, — на улице Сен-Жак их не меньше тридцати восьми, — стрельба не прекращается; у регулярных войск уже скоро нечем будет стрелять; в рядах проносится паника,

солдаты трижды отказываются наступать. Но вот они выходят на улицу Сен-Жак, на угол улицы Нуайе: здесь-то и был ранен генерал Бедо; неподалеку отсюда ранен в грудь и Биксио; здесь же где-то падает перед баррикадой и присяжный стряпчий Масон, командующий батальоном национальной гвардии, тщетно пытавшийся вступить в переговоры с революционерами: теперь уже не время для разговоров. Наступает ночь, до Пантеона не дойти; нужно вернуться в Городскую ратушу из опасения быть ночью окруженными. Бедо возвращается со своими частями, в отчаянии от понесенных потерь и при мысли о крови, которую завтра придется снова проливать; по соглашению с Кавеньяком он передает команду генералу Дювивье, организатору подвижной гвардии.

Кавеньяк вторично возвращается в здание президиума; около двенадцати часов ночи он снова выходит, чтобы сделать смотр третьей колонне, то есть той, которая находится под командой генерала Дамем и должна освободить Пантеон. Главный штаб генерала в музее Клюни, но Кавеньяк застает его на улице Ла-Гарп в ресторане, куда он зашел подкрепиться. Он выходит оттуда вместе со своей свитой, и тут же, перед лавкой виноторговца Шампенуа, на углу улицы Медицинской школы, на уличной скамье происходит совещание. Обер-офицеры национальной гвардии окружают обоих генералов, Дамем рассказывает министру, как он провел день: борьба была особенно упорна вокруг Пантеона и в небольших проулках, спускающихся к Сене, на улицах Гре и Матюрен, на площадях Бюсси и Камбре; два батальона национальной гвардии потеряли большую часть своего состава. 23-й батальон занял одиннадцать баррикад, но на улице Муфтар целая рота была разоружена, а национальная гвардия этих густо заселенных кварталов осталась на стороне инсургентов; боевых запасов нехватает, необходимо подкрепление. Дамем повторяет то самое, что уже неоднократно доносил комиссии: пусть ему пришлют один линейный батальон — и он ручается за то, что очистит Пантеон и район Сен-Жак. "Голубчик, — говорит ему Кавеньяк, — на заре я вам пришлю и подкрепление и артиллерию; мы во что бы то ни стало сгоним этих молодцов, хотя бы нам пришлось взорвать и библиотеку и церковь; может быть, подоспею и я сам, это будет зависеть от положения в других районах". Тут министр встает, закутывается в свой плащ, садится на лошадь, пожимает руку генералу Дамем, в последний раз в жизни, — и возвращается во дворец президиума. Кулуары полны депутатов, споры в разгаре, а кто спит, протянувшись на диване. Собрание постановляет, что оно расходитесь не будет.

Что же делали народные представители, пока шло сражение? Они говорили, волновались, шумели, спорили и думали победить восстание, клеймя позором "убийц". В час дня Сенар занимает кресло председателя.

Все депутаты, состоящие в армии и в национальной гвардии, в военной форме; дворец окружен тройной стеной подвижной гвардии, артиллерии и драгунов; но представители все-таки в страхе. Они знают, что конечной целью восстания остается Городская ратуша, что, если революционеры захватят ее, они пойдут и на Бурбонский дворец; толпы

народа уже высыпали на бульвар Сен-Жермен с криками: "Долой Собрание!" Волнение характерно для крупного народного движения. Ужас реет над всеми. А когда генерал Лебретон подымается на трибуну и предлагает представителям смешаться с войсками, выйти к народу под защитой своих депутатских значков, поднять дух солдат и внушить доверие штатским, его встречают критикой, ему возражают, что нельзя так компрометировать величие Собрания; и тут же переходят к рассмотрению вопросов, стоящих в порядке дня: выкуп железных дорог, территориальный кредит. Никто не слушает. Чтобы успокоить своих коллег, Флокон подымается на трибуну и обличает претендентов на престол и золото из-за границы^{*****}; так легко поверить, что революционеров подкупили. К председателю обращаются все с новыми, иногда повторяющимися, но одинаково резкими запросами. Депутаты желают щегольнуть друг перед другом своим республиканским духом. И в такую минуту встает одетый в наглухо застегнутый сюртук, с видом торжественным и непримиримым, депутат де-Фалу и бросает восстанию вызов, которого совершенно достаточно, чтобы привести народ в исступление: он излагает проект немедленного роспуска национальных мастерских.

Нашел, действительно, место и время! Сейчас, когда полиция единодушно доносит, что декрет 21 числа, если и не вызвал, то во всяком случае ускорил готовящийся мятеж и фактически борьба перешла уже в открытое выступление, объявлять торжественно, что мастерские должны быть закрыты, конечно, являлось опасной провокацией. "Чувство собственного достоинства и смелость", — толковали впоследствии эту выходку друзья Фалу, многие находили в ней "презрение опасности и аффектацию твердости". В действительности позиция, занятая им, знаменовала полное непонимание народной психологии, упрямство, отказ от всякого, тогда еще возможного, примирения. Это отлично понял рабочий Корбон, редактор "Мастерской" (Ателье), поднявшийся на трибуну вслед за Фалу, чтобы изложить проект декрета, который разрешил бы открытие рабочих союзов помимо всяких обсуждений их Комитетом труда, потому что этого требуют обстоятельства, потому что формы парламентских прений уже сейчас не у места, потому что дело неотложно и народ не ждет. Необходимо дать рабочему то, "что он требует", то "чего он просит", — кричат перепуганные депутаты. Сейчас они не соглашаются на основание тех самых союзов, которые через несколько дней они будут приветствовать и которым после сражения они предоставят крупные денежные авансы. Они даже не задают себе труда спросить себя, не явятся ли для них союзы средством утолить озлобление рабочих. Заседание продолжается, бурное и несвязное. Сенар, отлучившийся с председательского места, возвращается в свое кресло и оглашает краткие депеши, в которых префект полиции

***** На следующий день английский посол обратил внимание министра иностранных дел на некорректность поведения оратора, бросавшего инсинуации "иностранное золото"; министр признал, что здесь была определенная тактика, примененная для успокоения депутатов.

оповещает Собрание о взятии барикады у ворот Сен-Дени, а затем... заседание переходит к вопросу о выкупе железных дорог.

Но вот приходит Кавеньяк, с ним Гарнье-Пажес, напыщенный и речистый. Он требует, чтобы "с этим покончить". "Нужно спешить принять еще меры, но решительные; под такими мерами мы понимаем пушку; мы уверены, что назавтра мы сумеем положить конец этим роковым событиям... Мы пойдем туда, где строятся барикады, мы сами незамедлительно разрушим их!" Один из депутатов предлагает, чтобы все народные представители шли на улицу, навстречу бунту, по примеру членов Конвента, вступавших в свое время в ряды армии. Ламартин поддерживает его: "Раз мы не могли заблаговременно остановить крови, так великодушно пролитой национальной гвардией, теперь мы должны считать за счастье получить по крайней мере возможность примешать к ней и свою кровь..." В такой-то атмосфере потоков беспомощного красноречия, на место гражданина Сенара в председательское кресло садится гражданин Лакрос, одетый в форму полковника национальной гвардии. Заседание то прерывается, то снова возобновляется, опять прерывается и постепенно приобретает характер публичного собрания; кто-то входит, выходит, делаются запросы, все к чему-то прислушиваются; разносятся слухи самые неправдоподобные. "Собрание похоже на человека, еще преисполненного страстей и воли, но разбитого параличом и жалостно, по-детски барахтающегося одним туловищем, тогда как руки и ноги уже не слушаются" (Токвиль). В 8.15, по возобновлении заседания, на трибуну подымается Консидеран; за время долгих перерывов он успел сбегать за новостями. Все, что он видел, доказывает ему, что происходит недоразумение. — "К порядку, к порядку, это враги!" — Он хочет прочесть воззвание к рабочим, составленное им вместе с Луи Бланом и подписанное Жюль Симоном и еще шестьюдесятью народными представителями; дело идет не о том, чтобы вывести войска, а о том, чтобы переубедить несчастных заблудшихся. — "Вы называете убийц несчастными заблудшимися!" — "Собрание должно оставаться бесстрастным, никаких воззваний!" — Но вот Косидьер возобновляет атаку: "Итак, вы не желаете делать уступок; итак, вы желаете, чтобы в Париже всю ночь шло побоище!" Он требует, чтобы делегация от депутатов вместе с Исполнительной комиссией немедленно, при свете факелов, шла парламентировать с народом; он сам станет во главе депутации; это неотложно, "клубы Отчаяния не расходятся". Напрасный труд... "С крамольниками нечего разговаривать, их нужно бить!" В 10 часов в зал входит Кавеньяк. Он был в предместьи Тампля и дает точные указания: полки из предместий уже в пути, национальная гвардия из департаментов также подходит к Парижу.

Поздней ночью возвращается Гарнье-Пажес; он полон оптимизма, чуть не улыбается: все отлично, барикады еще только в предместьи Сент-Антуан. Выслушав такое успокоительное сообщение, один из депутатов предлагает тут же ночью арестовать крамольных журналистов и воспретить выход оппозиционных газет; Сенар отклоняет эту крайнюю меру, и Палата расходится в восемь часов утра, сопровождаемая

благодарными напутствиями одного из народных представителей: "Национальная гвардия бодрствует за барикадами; ну, а мы не уйдем из Собрания, пока будет длиться восстание".

Депутаты бодрствуют на диванах, в креслах президиума, в буфете, в залах, это их барикада: они служат гарантией величия национального представительства.

ГЛАВА III. СРАЖЕНИЕ СУББОТЫ 24 ИЮНЯ.

Народные представители бодрствуют; но и инсургенты также не спят в эту первую ночь восстания; они укрепляют барикады и строят новые, еще более внушительные, чем те, что воздвигались накануне. Рабочие Северной железной дороги приносят из своих мастерских свинец и медь, со стоек виноторговцев срывают цинк, собирают типографский шрифт и льют из него пули. Аптекарей также мобилизуют и велют им готовить порох. Инсургенты занимают мастерские фейерверкера Ругчиери и превращают их в военные депо; на одной из фабрик предместьев Тампля удается даже вылить целую пушку; чтобы быстрее охладить ее, ее подвешивают на канатах и качают по воздуху, а женщины и дети подбрасывают на еще горячий металл влажный песок. На барикадах стоит караул, стражи регулярных войск и инсургентов тщательно наблюдают друг за другом; иногда среди молчания раздается выстрел: это инсургент, в поисках оружия или новостей с бивуака линейных войск или национальной гвардии, захвачен в городе "порядка"; когда в три часа утра, в субботу 24 июня, поднимается солнце, инсургенты идут из дома в дом набирать рекрутов себе на подмогу. В своих крепостях они все время наготове. Крепостей много: ограда Сен-Лазар, леса строившегося тогда госпиталя Ларибуазьер, Сен-Винсент-де-Поль и таможенная застава Пуасоньер, защищаемая железнодорожными механиками и строительными рабочими, — все они обращены в крепости. Еще крепость — это казарма, таможенная площади де-ла-Вилет; гарнизон ее состоит из ломовых извозчиков и грузчиков; дальше другая крепость, на улице Гранж-о-Белль; еще крепость в Бельвиль и ла-Куртиль; затем в крепость превращены весь квартал Попенкур и весь район бульвара Тампля, с бронзовщиками Филь-дю-Кальвер, рабочие, изготовляющие парижскую галантерею, резчики, слесаря, мастера, изготовляющие колодки, сапожники, шляпочники, литейщики квартала Тампля; крепость также — и предместье Сент-Антуан, охраняемая рабочими по слоновой кости и столярями; крепость — вся Сита, сборный пункт рабочих с доков и с Орлеанской железной дороги; крепость — и Пантеон, предместье Сен-Жак, Итальянская застава, — весь тогдашний XII округ, — где много нищеты и где старьевщики с улицы Муфтар вместе с каменоломщиками из Жантильи и Аркейль оказывают яростное сопротивление.

У каждой барикады свой вождь: Вуазамбер, старый сапожник с барикады улицы Планш-Мибре, бросил свою лавчонку на улице Жан-Пен-Молле и командует сражающимися, вооруженный огромным кузнечным молотом; Бартелеми, молодой механик, впоследствии повешенный в Англии; здесь артист, бывший клубист, ныне занимающий пост капитана

национальной гвардии; там литератор, умеющий оживить свой отряд горячими речами; дальше бывший солдат конвоя, бывший ученик английской военной школы, затем лейтенант парижской пожарной команды, граф Саливэ-де-Фушкур, лейтенант национальных мастерских; все люди, выбитые из колеи, все прожженные мозги, все пережившие четыре месяца лихорадочной жизни клубов, все уповающие, что пришел наконец час чудесного свершения всех стремлений к справедливому общественному строю.

На разных барикадах разные пароли: здесь "Казн и Косидьер" или "Республика и Косидьер", там "Победить или умереть", "Смелость, осторожность, бодрость"; флаги трехцветные и красные, но красные* встречаются всё чаще, они водружены над барикадами и колыхнутся по ветру, на них значатся разные надписи: "Уважение собственности, смерть вора", "Хлеба или свинца" — как в Лионе в 1834 году; или — "Организация труда", "Работы и хлеба".

Вожди демократии отсутствуют: одни, как Луи Блан, Косидьер, Консидеран, на стороне противника, в Собрании; другие, как Барбес, Бланки, Распайль, заперты в Винсен. Единства нет никакого, нет и общего плана, восстание будет несомненно подавлено.

Это тем более несомненно, что с утра субботы 24-го во враждебном лагере намечается и единение и общий план действий. В восемь часов, когда по всей линии возобновилась стрельба, снова пробил набат и послышался глухой гул пушек, депутаты возобновили заседание, утомленные бессонной ночью, совершенно растерянные ото всего, что они узнали, и в ужасе от того, как разворачивается восстание. Для общего успокоения председатель Собрания, Сенар, оповещает, что национальная гвардия все прибывает в Париж из предместий и из провинций; чтобы поднять дух сражавшихся уже солдат национальной гвардии, он вносит проект декрета, по которому республика принимает на свое попечение вдов и детей граждан, погибших, защищая порядок, свободу и республиканский строй. Декрет принимается, после чего заседание прекращается. В кулуарах волнение, царит лихорадочное возбуждение больших дней; умеренные считают, что наступил момент покончить с Исполнительной комиссией, не сумевшей ничего предвидеть; необходима власть сильная и власть единая; Араго, Гарнье-Пажес, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари должны быть удалены, но они отказываются оставить свой пост, пока на улице восстание: за этим дело не станет, средство удалить их будет найдено.

В 9. 35 заседание возобновляется; на трибуну подымается молодой учитель риторики, бывший редактор демократических газет, Паскаль Дюпра. После 24 февраля он писал в газете "Народ-учредитель" ("Le Peuple constituant"): "Пусть рабочие не расстаются слишком легко со своим оружием, пусть тщательно охраняют большинство барикад,

---

***** Сохранилось полицейское донесение, из которого следует, что вожди носят при себе небольшой ящик и кольцо типа рыцарских, медное, в котором посредине, вместо оправы, шарик, величиной с крупную горошинку, а в нем металлическое ядро, звенящее как брелок; вот подлинный романтизм.

похоронивших королевскую власть; это поможет им действительно укрепить республику. Камни, из которых внезапно выросли крепости, смогут и еще, в случае надобности, оказаться охранителями народного права". Сейчас он просит Собрание провозгласить осадное положение и объединение всей власти в руках генерала Кавеньяка. Республиканцы протестуют; Лараби цепляется за трибуну и бросает вызов всем своим коллегам, которые в гневе торопятся покончить с прениями. Сарю, Лагранж, Бювинье и особенно Жюль Греви предостерегают Собрание против диктаторских мер; тогда на трибуну поднимается министр Бастид, "с длинным честным лицом рыцаря печального образа", и с искренним или симулированным ужасом сообщает, что Городская ратуша будет сейчас захвачена инсургентами; де-Тревенюк настаивает на том, что национальная гвардия требует осадного положения; тут же действительно проводится декрет об осадном положении и вся исполнительная власть передается Кавеньяку. Но и этого оказывается недостаточно, необходимо еще уничтожить Исполнительную комиссию. Решительный удар ей наносится Жюлем Фавром. Он подымается на трибуну и предлагает внести дополнительную статью следующего содержания: "Исполнительная комиссия немедленно прекращает свою деятельность". Министр Дюклерк тут же дает ему отпор: "Граждане, вы только что провели меру общественного спасения, я прошу вас не санкционировать мстительность". Собрание переходит к порядку дня.

По возобновлении заседания в 10.30, председатель оглашает письмо, из которого явствует, что комиссия прекращает существование не перед лицом крамолы, а повинувшись постановлению, проведенному Собранием; "она возвращается в строй, чтобы посвятить себя спасению республики". Депутаты снова спорят, решая, кому идти на улицу, чтобы огласить декреты перед национальной гвардией и поднять ее дух; еще спорят о том, идти ли группами по шестидесяти человек, или только одним молодым депутатам, или, наконец, только холостым; Токвиль уходит с небольшой кучкой депутатов, среди которых между прочим маленький Кремье и Бушо; они подходят к месту сражения, но тут один из депутатов замечает, что лучше бы пойти к Тюильри, где стоят резервы. Необходимо подготовить к бою тех, кому еще только придется стрелять; это много лучше, чем говорить с людьми, которые уже сражаются: "Дураки проявляют страх грубо, бесстыдно; другие прикрывают его вуалью такой тонкой и сотканной из такой правдоподобной лжи по мелочам, что наблюдать за этой искусной работой ума даже приятно..." Токвиль идет провозглашать декрет по маленьким закоулкам, а развязный и красноречивый Кремье подымает дух сражающихся не меньше чем тридцатью речами и, наконец, бросает своих коллег, сообщая им на прощание своим ломаным эльзасским акцентом: "я иду драться"; и он действительно пошел драться. Известие о том, что провозглашено осадное положение, производит взрыв восторга в национальной гвардии; а известие об отставке Исполнительной комиссии принимается еще более радостно.

Итак, Кавеньяк — полноправный хозяин; он тотчас же принимает

постановление, воспевающее расклеивать политические воззвания, а затем издает две прокламации: одну обращенную к солдатам с целью поднятия в них воинского духа, другую — к инсургентам, призывающую их вернуться в лоно отечества. Вместе с тем он телеграфирует в провинцию, требуя незамедлительной отправки подкрепления; в два часа он сообщает префектам полиции о принятых им мерах и заканчивает свою депешу следующими словами: "В этой последней борьбе против анархии республика одержит победу".

Легко представить себе растерянность, охватившую провинцию по прибытии депеш самых противоречивых: в пять часов утра морской министр требовал отправки всей наличной морской пехоты; в тот же час министр внутренних дел Рекюр послал следующую успокоительную телеграмму: "Появились баррикады, национальная гвардия, подвижная гвардия и линейные части захватили все центры". Где же правда?*****

В ночь с 23-го на 24-е и в последующие затем дни национальная гвардия предместий и провинций "ринулась на Париж". Уже с 15 мая она грозила прийти в Париж и там выпустить побольше патронов. 24 февраля провинция шла еще в ногу с Парижем; начиная с 15 мая она реагирует по-своему. Когда-то Гейне писал: "Во Франции соображения провинции имеют такое же значение, как соображения моих ног"; сейчас это уже не так. В июньские дни "Франция принадлежит Парижу", для защиты города порядка от города восстания. Во всех городах и деревнях, куда прибыло известие о восстании, "все единодушно хотят лететь на помощь столице". Но Бувар и Пекюше***** лукаво отмечают, что многие затаились, лишь бы не обратить на себя внимания.

Помощь идет отовсюду: из Амьена и из Понтуаза, из Руана и из Гавра, из Бове и из Клермона, из Санли и из Рамбулье, из больших и малых городов, из местечек и деревень. В то время железные дороги шли лишь до Мо, Монтеро и Орлеана; закончены были лишь линии Лилля и Гавра. Итак, легко представить себе, сколько понадобилось времени отдельным отрядам из Кот-д'Ор, Дуба, из Финистера и Жиронды; они прибыли, когда все было кончено. Мелкое провинциальное дворянство также шло на помощь столице; 26-го Токвиль встретился с одним своим пожилым двоюродным братом, бывшим депутатом, мелким дворянчиком, прибывшим из Ла-Манш пешком. Он сражался одетый в штатское, спал на

***** Любопытно проследить, когда прибыли эти депеши: телеграфные станции Монмартра и Бельвиля находились в руках инсургентов; приходилось следовательно пускать депеши по западной линии; был даже такой случай, что курьер, посланный в Экуен, чтобы переслать депешу оттуда, не смог выйти из Парижа; другая депеша, отправленная в Марсель, была в пути более двадцати четырех часов. Инсургенты повидимому прерывали телеграфную службу почты и телеграфа, лишь поскольку это было нужно для операций; Араго, главный директор почт (Этьен, брат члена Исполнительной комиссии. Прим.переводч.), сознался вечером 24-го, что мешки с депешами, захваченные инсургентами на Северной железной дороге, не были уничтожены, как он этого боялся, а пересланы на Париж.

***** Герои романа Флобера. (Примеч.переводч).

улицах и кормился военным пайком; в Париж прибыла контр-революция. Красную республику можно было отныне сразить силой провинции.

По Парижу проходили необычайные процессии провинциалов в шарообразных киверах, украшенных огромными перьями, в изумительных фраках, в громоздких кожаных одеяниях. Пехота и саперы, пожарная команда и стрелки национальной гвардии демонстрировали перед Собранием, преисполненные своей собственной важностью; депутаты выходили показаться под колоннаду и приветствовали и поздравляли их. Из одного только Крепи-ан-Лаоннуа выступило. Юз солдата во главе с начальником батальона, причем офицеры записались в солдаты, как бы бравируя тем, что их обязательно схватят. Помощник префекта Шато-Тьери довольно наивно восхищался патриотическим усердием храбрых крестьян, не побоявшихся рискнуть самыми важными своими интересами — урожаем, чтобы лететь на помощь Парижу. "Республика может ожидать очень многого от этой деревенщины, если она только сумеет оценить по достоинству такую преданность".

Были и такие, которые пришли, — или пытались прийти, — на помощь восстанию: многие дилижансы выбросили в Париже целые отряды революционеров; префекты задерживали многих из них в окрестностях. Даже в отдаленном департаменте Юры демократы города Арбуа пожелали записаться в солдаты на поддержку восстания.

Председатель Собрания издает прокламацию для возбуждения воинского пыла солдат национальной гвардии, которые пришли драться, а также и тех, что уже сражались за истекшие сутки: восстание вызвано не политическими причинами, народ получил республику и всеобщее голосование; чего же хочет народ? Анархии, пожара, грабежа. Необходимо спасти столицу. Рабочим Сенар заявляет: "Вас обманывают, вас вводят в заблуждение! Собрание никогда и не думало лишать вас работы. Не слушайте клеветы, республика сгладит несправедливость судьбы и наших прежних порядков". Он все еще воображал, что можно разоружить инсургентов словами.

На левом крыле, утром 24-го, по приказу Ламорисьера генерал Лебретон устремился на баррикады предместья Пуасоньер. Проследим за батальоном, в котором служил Максим Дю-Кан: это батальон состоятельной буржуазии, — Дю-Кан живет на площади Мадлен. Они собрались 23-го числа, в 12 часов, когда пробила тревога; им была поручена охрана министерства иностранных дел; в 10 часов утра Кавеньяк к ним пришел, чтобы их приободрить: "Мы нашего добьемся, дети мои, но усилие понадобится большое; национальная гвардия ведет себя очень хорошо, ваши товарищи сегодня стреляли как старые ветераны; я уже вытребовал новые полки они скоро придут; с помощью их, подвижной гвардии и ваших легионов мы этих молодцов образумим; немного терпения, немного твердости, и все пойдет хорошо".

В залах министерства ночь миновала. Спали на паркете, даже безо всякой соломы. 24-го батальон получает приказание отправиться вместе с другими частями против укрепленной ограды Сен-Лазар. Он выступает колонной по еще мощному бульвару, — "шоссе Мак-Адама, которое

должно было навсегда положить конец эпохе революций, тогда еще не было изобретено", и занимает всю ширину шоссе; бульвар пуст, окна закрыты, молчание полное; несколько собак, увидев солдат, убегают; батальон проходит через предместье Пуасоньер: национальная гвардия расположилась в боевом порядке справа налево; десяток солдат проходят вдоль домов, гуськом, готовые спустить курок; отдан приказ стрелять во всякого, кто покажется у окна; вскоре батальон догоняет "артиллерийский парк": всего старая пушка и повозка, с непомерным шумом гремящие по мостовой; останавливаются: военные запасы для пехоты есть, но ключи замка забыты в Военной школе; приходится прибегнуть к слесарю и взламывать замок; наконец патроны распределяются, и батальон снова пускается в путь; пройдя улицу Бле, новая остановка. Сейчас батальон уже вступил в опасную зону; от окраины предместья Пуасоньер тянется большая улица, напоминающая провинциальные, мало заселенная, усеянная обширными садами, в которых приютилось несколько пансионеров молодых девиц, изуродованная худыми двухэтажными домишками, деревянными ларьками, темными лавчонками. Между ними только было начали строить буржуазные дома... Баррикада весьма грозная. За запертыми калитками заставы навалены каменные плиты, взятые в госпитале Ларибуазьер, таможенная стена пробита бойницами; слева большая фабрика химических продуктов, трехэтажная цитадель, в окнах виднеются рабочие. На заднем плане картины, за макушками деревьев бульвара Рошешуар высится Бют-Монмартр, где собралась кучка любопытных, — даже англичан, живших тогда в Париже, чтобы оттуда лучше наблюдать за завязывающимся боем... Идет атака; но не воображайте себе классической картины лубочных изображений: улица почти пуста, несколько солдат подвижной гвардии на животах подползают к барикаде, защитники не видны. Сквозь каменные плиты поднимаются перистые белые облачка, пули свистят и сплющиваются на мостовой; справа налево, из домов, солдаты национальной гвардии, забарикадировавшись за окнами или поднявшись на крыши, стреляют, прицеливаясь в инсургентов; устанавливается старая пушка, она выпускает три ядра и замолкает: военные запасы истощены. Партия солдат национальной гвардии идет промочить горло в кафе; за ними приходит генерал: "Пожалуйста обратно, господа, — этот батальон требует обращения обходительного, — успеете освежиться вечером, идите на помощь товарищам, они в огне!"

Раненый в ногу пулей, Максим Дю-Кан распростерт на матрасе в заднем помещении кабачка. Сюда же вносят молоденького солдата подвижной гвардии, раненого пулей в сердце; он сейчас умрет, его спрашивают, чего ему хочется. "Мадеры, вот чего я никогда не пил!" — и умирает несколько минут спустя. Четыре солдата национальной гвардии вызываются отнести Максима Дю-Кана домой на носилках: здесь и маркиз де-Тюрго, и Паделу, директор концертного общества. Дю-Кана на носилках переносят мимо не менее двадцати постов национальной гвардии: солдаты делают на караул, офицеры салютуют со словами: "честь храбрости в несчастье", и ему наконец становится смешно от

монотонного повторения этой фразы, торжественно декламируемой "смельчаками", "охраняющими посты".

Пока Максима Дю-Кан уносят, стрельба перед баррикадой продолжается; стрельба тщетная, пули сплющиваются о каменные плиты. Стреляют уже несколько часов, пока наконец позади таможенной заставы не появляются новые части; барикаду обошли; это национальная гвардия Руана, Амьена и Понтуаза; инсургенты бьют отступление и скрываются во дворе госпиталя; итак, их обманули: ведь утром разнесся слух, что рабочие Руана и Гавра идут к ним на помощь!..

Итак, слева генералы наталкиваются на внушительные баррикады. Но и Ламорисьер наталкивается у пакгауза таможи, у канала Сен-Мартэна и на улице Сен-Мор на настоящие редуты, укрепленные за ночь и упорно сопротивляющиеся осаде: вне себя от гнева и злости, он заявляет, что будет драться до конца, но не уступит; он подает пример смелости: под огнем, шагом, верхом, объезжает улицы под градом пуль, велит стрелять из пушки, роет подкопы, взрывает их и лишь к вечеру, когда под ним уже пала одна лошадь, он захватывает таможенный пакгауз и, вместе с подоспевшими частями генерала Лебретон, отгоняет восставших к Ла-Вилет и к Монмартру. Уже шесть часов вечера, бой длился целый день, но продвинулись всего на несколько шагов, а укрепление Сен-Лазар все еще держится и предместье Тампля не очищено; Ламорисьеру не удалось осуществить свое задание—захватить предместье Сент-Антуан.

В центре генерал Дювивье, сменивший Бедо, также ранен и в смертельной тревоге: инсургенты успели за ночь построить новые баррикады на улице Планш-Мибре, Тиксарендри и Клош-Персе; Городская ратуша облагается все теснее. С восходом солнца в церкви Сен-Жерве, занятой революционерами, бьет набат; с четырех часов утра идет бой у баррикады Бодуайе, защищаемой частями регулярных войск. "Баррикада была низкая; — говорит Виктор Гюго: — другая, узкая и высокая, прикрывала ее с улицы. Солнце освещало верхушки труб. Извилистые ходы улицы Сент-Антуан простирались перед нами в зловещей пустоте".

"Солдаты лежали ничком на барикаде не больше трех футов высоты; они целились попасть в отверстия между камнями мостовых, точно в интервалы между взводами. От времени до времени свистели пули и ударялись о стены окружавших соседних домов, поднимая вихри штукатурки и камня. Изредка на углу какой-нибудь улицы показывалась блуза, иногда даже голова в фуражке, солдаты стреляли... А попав, аплодировали: "Отлично! Метко! Великолепно!"

Они кричали и весело переговаривались. Иногда раздавался выстрел, и град пуль лился на барикаду с потолков и со стен.

Посреди баррикады, на полтуловища выше камней, стоял рослый капитан с седыми усами. Пули падали вокруг него градом, как вокруг мишени. Он оставался невозмутимым и хладнокровным и кричал: "Сюда, дети мои, стреляют! Ложитесь! Берегись, Лапиро, твоя голова видна! Стреляйте снова!"

Вдруг на углу улицы напротив выходит женщина. Она медленно

направляется к барикаде. Солдаты раздражаются бранью и предупреждениями: "Вот так девка! Ступай к чорту! Торопись же, ехидна! Она пришла за нами подсматривать. Это шпионка! Мы ее спустим! Долой сыщицу!"

Капитан их удерживает: "Не стреляйте, это – женщина!"

Женщина, в самом деле как будто наблюдавшая, пройдя двадцать шагов, входит в низенькую дверь, которая за ней захлопывается.

Эта счастливица спаслась.

Втечение всего дня перестрелка здесь никаких результатов не дала; к вечеру Шарас привел подкрепление; церковь Сен-Жерве была атакована, и Городская ратуша очищена: инсургенты уже находились в шестидесяти шагах от нее! Позади линий революционеры с утра завладели мэрией IX округа на перекрестке улицы Жофруа-л'Анье и Гренье-сюр-Ло, казармами Миним, улицей Турнель, а затем и Королевскую площадь, где они захватили батальон восемнадцатого легкого стрелкового полка и мэрию VIII округа, на площади, с оружием, военными припасами и обмундировкой. Препятствия выростали одно за другим в таком порядке: между Городской ратушей и Бастилией 68 барикад перерезывали улицу Сент-Антуан. Зато к западу воинские части захватили барикады Сен-Мери и Сент-Авуа, поднялись по улицам Сен-Мартэн и Сен-Дени и, наконец, нагнали Ламорисьера на улице Шато-д'О. Народных представителей – Боннэ, Годэна, Флори, смешавшихся с частями, которые сражались вокруг Городской ратуши, встречают возгласами: "Да здравствует республика, Да здравствует Национальное собрание, Долой претендентов!" Несмотря на ожесточенную борьбу и в самой гуще опасности солдаты национальной гвардии говорили, пожимая нам руку: "Не теряйте энергии, господа, мы будем защищать вас до последней капли нашей крови; но проводите же скорее хорошие законы, чтобы дать рабочим хлеба и работы!"

На левом берегу, то есть, с правого крыла наступающей армии, генерал Дамем находился в весьма затруднительном положении: войска у него было мало, всего 800 человек линейных, 500 подвижной гвардии и 2-й легион национальной гвардии, а между тем план его состоял в том, чтобы снять барикады, которые у подножия горы Сент-Женевьев отрезали его от правого побережья, затем подняться к Пантеону, центральной крепости инсургентов, захватить его и очистить весь XII округ вплоть до Адской заставы. К десяти часам, во главе своих частей, он спускается по улице Сен-Жак; баррикады площади Мобер, захваченные накануне, берутся снова с бою, с барикады снимается трехцветное знамя со следующей надписью: "13-й отряд национальных мастерских, центральная школа", а на белой полосе красный колпак. Все небольшие улицы, вплоть до улицы Платр и улицы Паршименери, очищаются совершенно, затем войска снова возвращаются к Пантеону: инсургенты там укрепились, они взобрались на крышу и на купол и стреляют навесными выстрелами; прямо против них, с другой стороны площади, они заняли также Юридический факультет и строящееся здание новой мэрии XI округа, теперешнюю мэрию V округа. Подвижная гвардия

сперва пытается взять эти постройки на штыки; но это ей не удается, хотя наступление и стоит больших жертв, понесенных на улице Суффло и на площади; пехоте слева удается пройти позади здания Юридического факультета, занять его и из окон стрелять прямо на мэрию и на Пантеон; побоище продолжается больше двух часов без всякого результата. Победить сопротивление удастся лишь артиллерии: посреди улицы Суффло устанавливаются две пушки, пули сбивают штукатурку с Пантеона, попадают в двери, расшатывают их, справа и слева улицы Суффло образуются две атакующие колонны; во главе их становится Дамем, в сопровождении Горация Вернэ^{*****}, народных представителей Валет и Буле-де-ла Мерт; они кидаются к церкви, калитки вырываются, двери выбиваются, и в самом здании идет бой ожесточенный, рукопашный. Пехотинцы и солдаты подвижной гвардии бьют в штыки; кто только может, перепрыгивает сзади в сады лицея Генриха IV и ищет убежища за барикадами Эстрадад-де-Фурси и Фоссэ-Сен-Жак. Уже два часа: молодой студент Нормальной школы, состоящий в рядах атакующей колонны, приходит заявить Собранию, что Пантеон взят. Дамем продвигается дальше; он захватывает барикады Фоссэ-Сен-Жак и Эстрадады, но в момент, когда бросается в атаку на барикаду улицы Фурси, ранен пулей в бедро. Депутату Валет, подоспевшему с выражением сочувствия Собрания, он говорит с большой простотой: "Сообщите вашим товарищам, что я свой долг выполнил"; его уносят в Валь-де-Грас и ногу ему ампутуют; несколько дней спустя он умер. Команда переходит к следующему по чину генералу, Бреа, прекрасному оратору, южанину, с густой шевелюрой. К концу дня инсургентов отбрасывают до Адской заставы и заставы Фонтенебло; левый берег очищен.

Еще лишний раз и национальная гвардия и подвижная сделали, чудеса: национальная гвардия, которой так боялись, в самом деле дралась отлично. "Страх потерять, – говорил Маккиавели, – порождает те же страсти, что и жажда стяжания". Она боялась потерпеть поражение; подвижная гвардия, та самая подвижная гвардия, про которую сначала не знали, выдержит ли она, была брошена вперед и использована всячески; ее фантазировали, распространяя слухи об "ужасающих случаях"; с самого начала распространился слух, будто революционеры перепилили одного солдата подвижной гвардии между двумя досками, и "эта история или легенда" в один миг обошла все батальоны. Больше того и не требовалось, чтобы возбудить парижских "уличных мальчишек", дух которых поддерживался на высоте тысячь подобно небылиц. Проходя вечером 24-го по площади Согласия, Герцен^{*****} увидел кучку женщин из простонародья, окруживших молодых солдат подвижной гвардии: после целого дня тяжелого сражения, они все были пьяны; один из них хвастался тем, что воткнул свой штык в животы пяти или шести инсургентов...

***** Известный французский художник. (Примеч. переводч).

***** См. Герцен, Полн.собр.сочин. т.XIII, стр.301. (Примеч. переводч).

К вечеру этого самого дня субботы, депутаты выходят на трибуну, чтобы дать отчет о впечатлениях, вынесенных при обходе Парижа. Несмотря на частичный успех и на то, что их всюду принимали с энтузиазмом, в Собрании царит большое беспокойство: восстание укрепилось, "оно получило определенный облик и политическое значение"; из рук в руки переходит причудливый список лиц, намечаемых в члены временного правительства: Барбес, Бланки, Кабе, Распайль, Луи Блан, Луи Бонапарт, Прудон, Пьер Леру, Косидьер. Инсургенты расклеивают афиши, из которых видно, что они объединены и политическими взглядами и настоящей программой; вот, например, воззвание XIII округа:

"Именем Верховного народа. "Граждане!

"На февральских баррикадах лица, облеченные нами званием членов Временного правительства, обещали нам демократическую и социальную республику; они надавали нам обещаний, и, доверившись их словам, мы ушли с наших барикад. Что же они сделали за четыре месяца? Они не сдержали своих клятв, не исполнили того, что обещали.

"Мы, граждане на посту мэрии VIII округа,

"Требуем:

"Социальной и демократической республики; свободных ассоциаций труда при содействии правительства; привлечения к ответственности народных представителей и министров и немедленного ареста Исполнительного комитета.

"Мы требуем удаления воинских частей из Парижа.

"Граждане, помните, что верховная власть принадлежит народу.

Помните наш девиз: «Свобода, Равенство, Братство»".

Народные представители напуганы. Тьер созывает 300 правых депутатов в зал бывшей Палаты; он подвергает резкой критике планы Кавеньяка и велит передать стоящему во главе исполнительной власти, что сопротивление невозможно, что Собрание должно удалиться и даже не в Версаль, так как это все еще слишком близко, а в Бурж. Возмущенный Кавеньяк кричит: "Отъезд Собрания все погубит. Если Тьер не перестанет так говорить, я велю его расстрелять!" И он готовится к завтрашнему бою.

ГЛАВА IV. КРОВАВЫЙ ПРАЗДНИК ТЕЛА ГОСПОДНЯ, 25 ИЮНЯ

На утро 25-го, в воскресенье, Собрание сильно встревожено. Невольно вспоминается, что за последние шестьдесят лет все большие восстания одерживали победы; если только у восставших найдется вождь, Париж окажется во власти инсургантов; но вождя не находится... Вся ночь прошла в большом волнении. Когда депутаты возобновляют заседание, президент Сенар успокаивает их официозным оптимизмом; например он говорит, что баррикады Фонтенебло и Италии, — что сводится к тому же самому, — находятся во власти армии, что отнюдь не соответствует действительности. Но необходимо предпринять что-нибудь для облегчения страшной нищеты народа; восстание отняло всякую

возможность частной благотворительности, даже самое слово способно вызвать взрыв негодования в предместьях Сент-Антуан. Сенар предлагает провести кредит в 3 миллиона в помощь "бедным", — не "бедным", протестует Собрание, а "нуждающимся гражданам". Таких "нуждающихся граждан" было больше 100000; итак, для успокоения рабочих предполагалось выдать им по 30 франков. Днем, по возобновлении заседания, Ла-Рошжаклен предостерегает Собрание против агитаторов, которые всюду кричат: "Осадное положение значит — горе побежденным". Инсургентам всюду нашептывают, что пощады им не будет, но сила их сопротивления от этого только возрастает. Чтобы заставить агентов-provokаторов замолчать, за баррикадами разбрасывается прокламация Кавеньяка; он умоляет рабочих сложить оружие и обещает снисхождение республике.

Сражение длится уже два дня, создаются целые легенды; вот уже два дня, как газеты распространяют самые неправдоподобные слухи; никто уже больше не говорит: "Шапки долой перед рабочим", как бывало в феврале; рассказывают, будто 22000 каторжников — не меньше — подоспели на поддержку восстания, что бунтовщики украшают верх барикад отрезанными головами, что женщины калечат солдат подвижной гвардии, что в монастырях, расположенных в поле сражения, были изнасилованы девушки-послушницы и что, изнасиловав их, солдаты выставили их перед дулами своих ружей, что маркитантки, участницы восстания, дают солдатам отравленной водки; всюду видят яд: в фонтанах, сигарах; корпии; рассказывают, будто бы одного офицера облили скипидаром, а потом зажгли, как факел; что пули разрывные и набиты рыбьими костями; что ходит среди революционеров мужчина, переодетый женщиной, который перерезает пленным горло; один историк, в общем с довольно солидной репутацией, уверяет, будто видел красный флаг с надписью: "Два часа грабежа и шелковых платьев"; уличный листок "Лампион", специализировавшийся на клевете, смело рассказывал своим читателям, что на трупе одного социалиста была найдена записка следующего демократического содержания: "Годен для трех дам предместья Сен-Жермен". Когда буржуазия раскрывала свои газеты, волосы у нее подымались дыбом при чтении злостных инсинуаций, в которых повествовалось о жестокостях, совершенных инсургентами, и вполне, между прочим, опроверженных по окончании борьбы. Зато буржуазия утешалась при чтении о героизме молодых семнадцатилетних солдат подвижной гвардии, захватывавших знамена противника, или трогательных сцен встречи их с Сенаром, который каждого горячо обнимал и благодарил; от публики скрывалось, что многие из этих "мальчишек", выпущенные в бой, как щенята, возбужденные выпивкой, усталые и сбитые с ног, стреляли без разбора и преследовали загнанных побежденных, как охотники преследуют дичь. О той и с другой стороны шла гражданская война со всеми ее ужасами. Солдаты национальной гвардии, прибывшие из провинции, благодушные крестьяне, отцы семейств, весьма мирно настроенные, по прибытии в столицу, где слышалась пушка и где они начинали испытывать чисто жи-

вотный страх, останавливали любого прохожего, одетого в блузу, набрасывались на него, двести против одного, расстреливали тут же где-нибудь за углом или оставляли недостреленного на долгую агонию просьбы несчастного, чтобы его прикончили, зачастую некому было услышать. У себя дома крестьяне; рассказывали, как они побили каких-то злоумышленников, по виду инсургентов, и возвращались к своей тихой провинциальной жизни без всякого угрызения совести, счастливые тем, что им удалось спасти родину.

В газетах и в речах народных представителей говорилось многое "о благородной борьбе порядка против беспорядка"; действительность была менее прекрасна; романист Флобер усмотрел правду, более неприкрытую, описывая, как его герой Фредерик, прибыв вечером к Итальянской заставе, нашел там пехотинцев и национальную гвардию с лицами почерневшими, расsvирепевшими, наполовину голых; они осматривали его руки, обнюхивали уши, чтобы убедиться, что от него не слышно пороха. Они все еще дрожали от злости, так как только что расстреляли нескольких человек. Такие быстрые и суммарные казни были! очень распространены за барикадами и вносили еще больше озлобления в борьбу.

В такой-то атмосфере начинается на третий день сражения, в воскресенье 25 июня, день праздника Тела господня. О процессиях никто не думает, даже в западной части Парижа, не затронутой восстанием, никакого движения не замечается: утром домашние хозяйки получили разрешение выйти на один час на рынок, потом, когда все необходимое на день закуплено, наступает мертвая тишина; улицы пусты, не видно ни души. От времени до времени проходит случайный отряд на подмогу сражающимся; у окон за приподымающимися ставнями показываются встревоженные лица. Как и в предшествующие дни, действовать будут три колонны: слева Ламорисьер, в центре Дювивье, справа де-Бреа. В девять часов командующий войсками, расположившимися в помещении, занятом президиумом, отдает приказ о наступлении; в десять часов с площади Пантеона выходит первый отряд генерала де-Бреа: он должен очистить улицы до застав Ада, Аркейль, Оантэ, Урсин и Италии. "Сопrotивления нигде никакого, но всюду чувствуется враждебное настроение!" В сопровождении депутата де-Людр, временно исполняющего обязанность заведующего XII округом, Бреа становится во главе колонны подвижной гвардии, линейных частей и артиллерии, всего около 2000 солдат; пушек у них всего две; рядом с ним молодой Мезьер, студент Нормальной школы, назначенный ему товарищами в ординарцы; генерал надеется, что декрет, опубликованный Собранием, несколько успокоит возмущение революционеров, и рассчитывает пустить в ход все свое красноречие, но не учитывает ни психологии парижского народа ни нищеты населения, скученного в кварталах улицы Муфтар и Бьевр. Отряд спускается по улице Сен-Жак. и заходит дальше в предместье; у Адской заставы остановка. Тут граница территории, завоеванной накануне; необходимо очистить весь юго-восток, чтобы нагнать колонны, идущие к Бастилии. Генерал парламентирует с революционерами, революционеры

сдаются на его аргументы, застава раскрывается, барикада снимается. Окрыленные надеждой, Бреа и его свита продвигаются теперь вдоль таможенной стены, направляясь к Итальянской заставе. По пути, к молодому Мезьеру подходит один рабочий и говорит ему на ухо: "Будьте осторожны, вас только что хорошо приняли, но там вы имели дело с порядочными людьми, у Итальянской заставы будет не то, там немало только что выпущенных из тюрьмы, они непременно сыграют над вами злую шутку; помните, не переступайте барикады. Это обошлось бы вам дорого". Мезьер тотчас же предупреждает генерала, на которого это сообщение производит впечатление серьезное. Но, вместе с тем, у застав Сен-Жак, Аркейль, Круль-Барб и Сантэ, все обошлось хорошо, почему же не быть так и дальше?

Отряд подходит к Итальянской заставе; там кончается улица Муфтар (теперешняя авеню де-Гобелен): площадь превращена в настоящую крепость. Барикада на конце улицы Муфтар покинута, но громадная барикада, маскирующая таможенную калитку» при входе к дороге на Фонтенбло, увенчана знаменами, ее охраняют, это легко угадать, но стражи не видно, инсургенты спрятались за камнями мостовых. Генерал велит установить только что прибывшие две пушки, а затем выходит один, несмотря на полученное предупреждение; он человек храбрый, любит приключения и сильно хочет умиротворить весь левый берег без пролития крови; он обращается к инсургентам, сообщает им содержание декрета, проведенного Собранием; по выслушании его речи, над барикадами показываются головы: "Идите к нам, — говорит ему один инсургент: — вы придете к соглашению с нашими вождями, мы клянемся вам, что вам ничего не будет". Генерал собрался было согласиться и уже направился к заставе; командующий 12-м легионом Гобер, более подозрительный, умоляет его повременить и дать ему сделать рекогносцировку; ему действительно удается пробраться по ту сторону барикады, но он вскоре возвращается, весьма встревоженный. Он тоже подтверждает, что здесь рабочие отнюдь не так добродушно настроены, как у других барикад, что, напротив, встречаются отдельные лица вида прямо зловещего: "Не ходите туда!" Между тем на барикаду выходит несколько инсургентов и генерала снова приглашают перейти заставу: "Идемте, генерал, не бойтесь!" Его даже берут дружески за руки. Бреа решается довериться и идет за заставу вместе с четырьмя офицерами: полковым командиром Гобер, майором Демаре, капитаном главного штаба Манженом и лейтенантом Оенго. Народный представитель де-Людр, которому генерал предложил сопровождать его, отказывается; Бреа приказывает молодому Мезьеру, который не хотел его оставлять: "Довольно со мной народу, оставайтесь с полковником Тома".

Итак, он переступает через барьер; слышится, как за ним с сухим треском хлопывается дверь, и начинается драма. За офицерами вслед пробрался и солдат барабанщик, совершенно пьяный, его раздевают, на него надевают блузу, ему приказывают бить тревогу. Инсургенты, спавшие позади сложенных в кучу камней, просыпаются, другие, полулежавшие на земле за едой, окружают генерала и офицеров; тут

есть и женщины, подошедшие из кварталов, накануне захваченных властью; они видели, как на площади Эстрапад и на площади Мобер производились расстрелы, они рассказывали о жестокости подвижной гвардии и, конечно, тоже творили легенды и стократ преувеличивали виденные ими ужасы битвы; а вот теперь он захвачен, захвачен генерал, командовавший целой колонной; некоторые из присутствующих принимают его за Кавеньяка и орут: "Расстрелять его! Смерть ему!" Но вмешиваются более умеренные с криком: "Нет, не надо крови!" И тут-то начинаем борьбу, подлинно драматическая, между инсургентами, настроенными более мягко и желающими спасти генерала, бывшими солдатами, привыкшими относиться к офицеру с почтением, и обезумевшими фанатиками, а отчасти и провокаторами, замешавшимися среди революционеров: Деке, хронический пациент отделения для нервно-больных госпиталя Бисетр, Ваперо, маклак Шопар, уже несколько раз осужденный "приверженец Распайля", оратор, опьяняющийся собственными словами, Нурри, восемнадцатилетний мальчишка, который хочет отомстить за погибших товарищей-инсургентов и будет потом горько плакать, когда его уличат в преступлении, Лар, бывший солдат, рабочий-каменщик, агент. Надо, "вербовщик бонапартизма, сейчас одетый в блузу", а за несколько дней до сражения приглашавший своего патрона выпить за здоровье "Маленького". "Да, за здоровье Луи Бонапарта, потому что пора взяться за работу..." Генерала ведут из дома в дом; мэр Жантильи уже больше не стоит во главе своего отряда национальной гвардии; вот уже несколько дней, как он замечает, что в его районе появляются незнакомые ему личности, власть ускользает у него из рук; он хочет спасти Бреа; сначала он вводит его в помещение своего собственного ресторана "Гран-Салон"***** потом по требованию толпы он ведет его к караульному посту, расположенному в нескольких домах поодаль*****. Толпа нажимает на генерала и его офицеров, бросает им оскорбления, им плюют в лицо, вырывают у них шашки, срывают погоны; генерал де-Бреа то в полном отчаянии и растерянности, то снова приходит в себя и храбрится, умоляет мэра как-нибудь помочь. Что делать? Пустить прокламацию? Мэр подает лист бумаги, и Бреа пишет: "Мы, нижеподписавшиеся, генерал Бреа и де-Людр, заявляем, что пришли на баррикады сообщить доброму народу Парижа и предместий, что Национальное собрание постановило ассигновать три миллиона в пользу нуждающихся и что оно провозгласило демократическую и социальную республику!" И тут же подписывается и за себя и за депутата де-Людр.***** Последний, призванный впоследствии к суду военного совета, своей подписи не признал и поступил вполне

***** Теперешний дом № 20 Итальянского бульвара.

***** Теперешний дом № 76 на Итальянском бульваре; позади новых домов до сих пор виднеются небольшие домики, которые, вероятно, еще существовали в момент драмы.

***** В этой фразе грубая орфографическая ошибка, объясняемая, конечно, взволнованным состоянием генерала; она напоминает грамматическую ошибку, допущенную Луи-Филиппом, когда он подписывал свое отречение.

правильно. Мэр оглашает документ, но успокоить толпу ему не удастся. Женщины кричат: "Довольно нас грабили, больше мы этого не хотим!" Они, повидимому, вспоминают утренние события, расстрелы революционеров, которые по их мнению были произведены по приказанию генерала. Толпа требует удаления войска! Генерал прибавляет к своей краткой прокламации еще и следующее: "У заставы Фонтенебло я нашел народ все добропорядочный: республиканцев, демократов и социалистов". Но и это еще признается недостаточным. От генерала требуют официального приказа об удалении отряда; Бреа прибавляет к своему воззванию: "Приказываю отряду отступить. Пусть он вернется той же дорогой, как и пришел".

Пытка длится уже больше двух часов; добрые люди, желающие спасти жизнь генералу, придумали пробить стену в камере, где заключен молодой солдат подвижной гвардии, обвиняемый в убийстве родного отца за 5 франков; за дело берется один каменщик, который прячется за покровителями Бреа; но их накрывает четырехлетний ребенок. Он проскользнул в помещение незаметно и кричит на всю улицу: "Они хотят его спасти, они пробивают в стене дыру!" Толпа ринулась в помещение, сквозь окна летят камни; с улицы вдруг слышатся женские крики: "Идет подвижная!" За последние два дня подвижная гвардия стала предметом ужаса, — снаружи стреляют, Бреа и капитан Манжен падают, убитые наповал. Командир Гобер спрятался под дежурной койкой, он спасен; Демаре скрылся за ставнями. Он стоит на кровати и, потрясенный ужасом, видит всю трагедию: входит обезумевшая толпа, генерала бьют штыками, вонзают ему в живот саблю... Демаре и Гобер остаются живы благодаря рабочим, которым удается их переодеть. Уже шесть часов; Бреа перешел через заставу в половине третьего, пытка длилась больше трех часов.

Но что же делал отряд, стоявший по ту сторону баррикады? Вести о том, что происходит в лагере инсургентов, успели туда проникнуть; какое-то сообщение между противными лагерями все же имелось. Делегаты инсургентов, одушевленные самыми лучшими намерениями, вышли к караулу, рассказали им обо всем случившемся и советовали немедленно атаковать барикаду. От слепого ли послушания отданному приказу, или из страха еще более ухудшить положение генерала, командующие отрядом не посмели взять на себя такой решительный шаг. Полковнику Тома показали приказ об отступлении, подписанный генералом: он понял, какая происходит трагедия. Ординарец, немедленно посланный к Кавеньяку, доскакал до главнокомандующего галопом и вернулся с такой инструкцией: "Спасение страны важнее жизни отдельных лиц; если по истечении одной четверти часа инсургенты не сдадутся, начните наступление на барикаду". Тома строит колонну и готовится к бою; в этот момент к барикаде со стороны рабочих подбегает какой-то человек; он машет белым платком и кричит: "Расстреляйте меня, я вам обещал спасти жизнь генерала, его убили, расстреляйте меня!" Это был Дорделин, мэр Жентильи. С минуту барикада обстреливается артиллерией, затем солдаты бросаются на приступ,

барикаду захватывают; к семи часам полковник Тома уже распоряжается на захваченной территории и находит в маленьком зале дежурного поста инсургентов тела Бреа и Манжена...

Была ли то западня, или предумышленное убийство? — Так думали в то время, в пылу озлобления и разгоряченных страстей; в действительности тут не было ни западни ни предрешенного и хладнокровно содеянного убийства. Генерал Бреа вообразил себе, что ему удастся и здесь, как и перед предыдущими барикадами, одержать верх над сопротивлением с помощью одного своего красноречия; мэр Жентильи привлек его, чистосердечно убежденный, что местное население сдастся на его доводы; он не учел озлобления, вызванного новостями, полученными е утра; он не отдал себе отчета в том, что и инсургенты, бежавшие с улицы Муфтар, нашли себе убежище здесь, за Итальянской барикадой, и что голос умеренных будет заглушен. Происшедшее событие было действительно и трагично и печально, но это было событие не исключительное в аналах войн; но печать на него набросилась, тенденциозный дух торжествовал; ни у кого не хватило честности сказать, что дело шло о немногих отдельных насильниках, были забыты усилия революционеров, которые пытались спасти генерала и которым действительно удалось спасти двух его товарищей; о судьбе других пленников, с которыми инсургенты за другими барикадами вели себя весьма лояльно, умолчали вовсе; о расстрелах, приведенных в исполнение по приказанию властей, также не говорили, и в умах широких слоев общества постепенно утвердилось поверхностное суждение: демократы — убийцы...

К концу дня 25 июня, воскресенья, левый берег очищен, так же как и большая часть правого берега. Патрули колонны Бреа присоединяются у Бастилии к частям Дювивье и Ламорисьера, подошедшим из Городской ратуши и из района Сен-Лазар.

Дювивье, принявший начальство после Бедо, сформировал две колонны: они выходят с площади Городской ратуши, он становится во главе первой и идет вдоль набережных; вторая, вверенная полковнику Реньо, должна захватить барикады улицы Сент-Антуан и в то же время очистить поперечные маленькие улицы — Вьейль-дю-Тампля, Жофруа-Ланье, Тирон, Фурси — и захватить мэрию X, IX и VIII округов. Марает следует за колонной шаг за шагом; он преподносит Реньо генеральские погоны. "Вы сейчас увидите, как я их заслужу!" — говорит вновь испеченный генерал и захватывает большую барикаду, высющуюся перед церковью Сен-Поль. Четверть часа спустя он уже убит; говорят, что в него стрелял инсургент, только что им самим спасенный от остервеневших солдат подвижной гвардии. Его место занимает полковник Перо и ведет отряд к Бастилии.

Тем временем колонна Дювивье продвигается вдоль набережных, очищает маленькие улицы — Городской ратуши, Нонен-д'Иер и святого Павла, Дювивье ранен в ногу и должен передать командование; во главе отряда становится Негрие; он очищает всю территорию перед арсеналом, продвигается вдоль набережной канала Сен-Мартэн и подходит к

Бастилии, где нагоняет части полковника Перо.

С наступлением вечера обе колонны соединились у Бастилии; зрелище внушительное: над Июльской колонной реет красное знамя; площадь замыкается громадной барикадой, которая идет от бульвара Бурдон к улице Жан-Боссир, а там соединяется с линией барикад, огибающей бульвар Бомарше, улицу Рокет, улицу Сент-Антуанского предместья и улицу Шарентон; солдаты регулярной армии занимают последние дома улицы Сент-Антуан и стреляют в инсургентов, а пушка направлена прямо на стену-барикаду с тем, чтобы пробить брешь в камнях, снятых с мостовых. Ни крика ни малейшего движения. От времени до времени мелькает белое облачко, и слышится свист пуль...

Негрие, подоспевший с частью своего отряда к концу улицы Контрэскарп, пытается перейти через площадь и захватить барикаду с тыла, чтобы затем идти на подкрепление колонны Перо, подошедшей с улицы Сент-Антуан. Но тут его сражает пуля; одновременно с ним ранен также и находившийся с ним рядом депутат Шарбоннель. "Я умираю от руки солдата", — будто бы сказал Негрие, падая на руки следовавшего за ним Трела; он хочет сказать, что является жертвой своих же, атаковавших площадь с запада. "Еще один генерал пал жертвой этого ужасного дня! — доносит Мараст Кавеньяку в 7 часов вечера. — "Бедный Негрие убит; но не инсургенты сразили это благородное сердце; смерть его вызвана несчастной случайностью".

***

На левом крыле фланга генерал Ламорисьер захватил участок Сен-Лазар; в тот самый момент, когда он собрался брать приступом барикады улицы Гранж-о-Белль, приходят парламентареры; свидание немногословно: "Уступите, или мы будем стрелять из наших винтовок, у нас есть порох и пули". — "И у нас тоже, — ответили делегаты, — и у нас тоже!" Они отказались от безусловной капитуляции. В действительности у них больше нет ни пороху, ни пули. Тщетно ловчилось сочувствовавшее революционерам местное население, доставая им воинские запасы, зашитые в матрацах, в гробах симулированных похорон или под передником женщин, симулировавших беременность; запасы были истощены. Предместье Тампля, бульвар Филь-дю-Кальвер, улицы Мальт, Ангулем, Менильмонтан последовательно очищались, хотя и ценой долгих усилий. Изнервничавшись, Ламорисьер отправляет Кавеньяку короткую записку, умоляя его во имя общественного спасения приказать арестовать гражданина Лалан, директора национальных мастерских; в заключение он добавляет: "Мы будем подступать через предместье Тампля к улице Сен-Мор; сейчас мы пробиваемся от дома к дому и несем большие потери, но намерены проработать всю ночь". В этом квартале жил Виктор Гюго и час за часом следил за развертывающимся боем:

"Инсургенты стреляли вдоль всей улицы бульвара Бомарше, сверху новых домов. Многие из них сидели в засаде, в большом, тогда еще строящемся доме против Галиот. У окон они выставили чучела, снопы соломы, наряженные в блузы, с фуражками на головах.

Я ясно различал одного человека, спрятавшегося за небольшим

укреплением, сложенным из кирпичей в углу балкона на четвертом этаже дома, прямо против улицы Понт-о-Шу. Он целился долго и убил многих.

Было уже три часа. Солдаты и подвижная гвардия взобрались на крыши бульвара Тампля и оттуда отвечали на огонь. Наконец, когда артиллеристы навели гаубицу перед театром Гетэ, чтобы снять дом Галиот и обстрелять весь бульвар, я решил попытаться приложить новые усилия для прекращения кровопролития и с этими мыслями дошел до угла улицы Ангулем. Как раз, когда я подходил к находящейся тут поблизости башенке, перестрелка усилилась. И я тоже оказался прямо под огнем. Башенку позади меня осыпал град пуль. Башенка была вся покрыта театральными афишами, искромсанными мушкетерами. Я сорвал кусочек себе на память. Он оказался обрывком объявления о предстоящем в это самое воскресенье, в Шато-де-Флер, большом празднестве с иллюминацией в десять тысяч плошек".

К вечеру колонна Ламориеера подошла к Бастилии.

* * *

В тот самый момент, когда все три колонны таким образом уже окружали площадь Бастилии и ненадолго приостановились перед этим последним оплотом восстания, была предпринята попытка посредничества, умиротворения и примирения, которая в случае удачи действительно могла бы положить сражению конец: парижский архиепископ, монсеньер Афр, вышел к революционерам, чтобы склонить их к миру.

С самого начала восстания архиепископ с тревогой следил за развертыванием сражения; в пятницу утром, 23 июня, он вышел из своего дома на улице Сен-Луи-ан-л'Иль на праздник конфирмации в церкви Сент-Этьен-дю-Мон; по выходе оттуда, он увидел барикады Пантеона, узнал, что весь район находится в руках инсургентов, и укрылся в лицее Генриха IV. В тот же вечер дал понять своему слуге, что он хочет выступить посредником; он вышел из лица лишь в субботу вечером, 24-го, когда генерал Дамем уже очистил Пантеон.

Архиепископ Афр страдал душой от этой борьбы, но она не явилась для него неожиданностью. Облеченный в сан архиепископа уже за восемь лет до того, он являлся живым свидетелем политического и социального движения, волновавшего Париж; он с большим сочувствием следил за деятельностью общества имени святого Венсена-де-Поль, общества Христианской нравственности и общества святого Франсуа-Ксавье, — последнее было основано несколько месяцев после того, как он был возведен на епархию; он находился в курсе всего движения социал-католиков, зачастую более занятых подлинно социальной работой, нежели республиканцы, чрезмерно загипнотизированных идеей всеобщего голосования, в котором они видели панацею от всех бед; и это движение он одобрял и поощрял.

Полиция Луи-Филиппа была весьма обеспокоена возникновением рабочих объединений, организованных священниками в предместьях

Сент-Антуан, в церквях Сен-Сюльпис, Сен-Медар, Сен-Мери, Сен-Жак-дю-О-Па и Сен-Луи-ан-л'Иль. Ей было известно, что аббат Ледрейль говорил на одном собрании, еще 22 мая 1845 года, и помимо многих других горькие истины: "Вот уже пятьдесят лет, как разверзается пропасть нищего мира в глубине долины слез, в юдоли, где счастливых нет; я сам — из простого народа, с помощью провидения поднялся выше, но сохранил к своим прежнюю привязанность и участие и дерзнул спуститься в этот ад. Что же я там видел? Великий боже, какие перемены за тридцать лет! Из тысячи семей, едва один хозяин может прокормить свою семью! Из тысячи семей не больше одной работает вдоволь и может прокормить всех своих домашних! Чтобы каждый день есть, надо бы и работать каждый день, а работы у всех хватает только на полгода!"

Полиция считала этого священника опасным. По его собственным соображениям он находился в контакте с 2000 рабочих. Но архиепископ всегда защищал священника-демократа; собрания социал-католиков продолжались, и таким образом случилось, что множество молодых рабочих получили политическое и социальное воспитание в обществах Сен-Винсен-де-Поль и Сен-Франсуа-Ксавье. "Именно влиянию этих обществ, — говорил один священник по окончании июньских дней, — обязаны мы великодушием, проявленным народом за время революции". Тот же священник, отвечая на вопросы анкетной комиссии в июле 1848 года, заявил, что почти все молодое поколение подвижной гвардии прошло через общество Сен-Франсуа-Ксавье или через школу аббата Берванже.

У барикад поэтому зачастую сталкивались с одной стороны старые рабочие республиканцы-социалисты — отцы, а с другой — молодые социал-католики, записавшиеся в подвижную гвардию, — их же дети. Некоторые современники рассказывают, что были случаи, когда старые инсургенты вдруг складывали свое оружие, завидя своих сыновей среди осаждающих, только что они собрались стрелять в них.

Епископ Афр помнил аббата Ледрейль и бедствия рабочих масс, когда в воскресенье 25 июня решил отправиться к генералу Кавеньяку и сообщить ему, что он намерен предпринять попытку умиротворения. Приближенные его старшие викарии и близкий друг его, генеральный викарий Эгле, все люди зрелые и осторожные, были убеждены, что борьба должна все равно прекратиться, и высказывались против такого вмешательства. С другой стороны, люди более молодые и горячие, принимавшие участие в движении социал-католиков, поощряемом и самим архиепископом, и в частности Озавам, один из основателей общества Сен-Винсен-де-Поль, поддерживали его в его решении и доказывали все значение подобного выступления для пропаганды их идей. Они также настояли на том, чтобы он вышел на улицу не в простом подряснике, как хотел он сам, избегая всякой пышности, а в лиловой рясе, с нашейным епископским крестом.

Около четырех часов дня архиепископ вышел из дому пешком и в сопровождении своих викариев, отправился во дворец президиума Собрания; Кавеньяк заявил, что такой шаг опасен, но что он перед ре-

шением пастыря преклоняется. Он тут же вручил ему прокламацию к рабочим, составленную им вместе с председателем Собрания Сенаром; архиепископ возвращается к себе, исповедуется и затем снова выходит в сопровождении своих генеральных викариев и своего слуги Пьера Селье; с улицы Сен-Луи-ан-л'Иль он идет к арсеналу мимо района Сент-Антуан. По дороге заходит в походные госпитали, а оттуда идет дальше, благословляя встречных — и штатских и солдат, сбегаящихся, чтобы взглянуть на него: солдаты подвижной гвардии спешили нести и винтовки под благословение.

По прибытии на площадь Арсенала архиепископ останавливается. Его окружают офицеры национальной гвардии и буржуазия; он объясняет, что идет к инсургентам с предложениями мира, а на возражения отвечает: "Я приношу богу лишь слабую жертву, отдавая ему те немногие годы, которые мне осталось жить; я буду счастлив, если мне удастся предотвратить кровопролитие между моими детищами!" Слова его слышит один национальный гвардеец, Феврие, и восклицает: "Да услышит бог ваши молитвы и да спасет он Францию!" Тут же обсуждается план действий; национальный гвардеец, Теодор Альбер, издатель с улицы Вивьен, переодевается инсurgentом, надевает блузу и фуражку, — по общему мнению, военные в миссии участвовать не должны, — и прикрепляет зеленую ветку к древку знамени, взятого у инсurgentов, — это оливковая ветвь. Другой национальный гвардеец, Луи Харви, также переодевается инсurgentом с тем, чтобы облегчить вход на баррикады.

Итак, процессия выступает. Во главе Альбер со своей зеленой веткой, за ним архиепископ, справа от него старший викарий Жакме, слева переодетый гвардеец Луи Харви, а за ним другой великий викарий, затем гвардеец Гобен, одетый в блузу, и Пьер, слуга архиепископа. На некотором расстоянии следуют несколько случайных представителей буржуазии. Проходят через улицу де-Лори, а затем через дом с проходным двором, добираются до бульвара Бурдон, а оттуда идут наискось, к прямому углу большой баррикады, замыкающей предместье Сент-Антуан.

Огонь прекратился с обеих сторон; по приказу полковника, командующего на площади, раздается барабанный бой. Сражающимся объявляется перемирие; минута торжественная. Во главе баррикады, в один этаж высотой, стоят инсургенты с оружием в руках и, смотря, как подходит процессия; отпускается несколько шуточек по поводу слуги, одетого во все черное; один инсurgent кричит: "Вот архиепископ, он пришел читать проповедь, чтобы дать войскам время сосредоточиться, но я беру его на себя!" Архиепископ идет дальше, нагоняет народного представителя Лараби, подошедшего из предместья следом за Луи Харди, и переходит через маленькую поперечную барикаду, соединяющую улицу Шарентон с предместьем. Тем временем Рикар, переодетый по-господски, подымается на вершину баррикады и читает инсurgentам прокламацию Кавеньяка. Его слушают внимательно и одобрительно: "Рабочие и вы все, у которых еще подняты руки против республики, в последний раз, во имя всего, что есть у людей чтимого,

святого и священного, сложите оружие..."

Некоторые из присутствующих обещают жизнь за жизнь и уговаривают архиепископа прочесть свою прокламацию на всех баррикадах. Другие целуют его в руку и в лицо и обнимают его своими сильными руками; Рикар спрыгивает с баррикады, подходит к архиепископу и восклицает восторженно: "Само небо с нами, за наше дело!" Луи Харди, взобравшись на барикаду с правого края, кричит инсurgentам: "К вам идет архиепископ парижский, он несет вам слова мира и единения, он хочет прекратить кровопролитие своих детищ". — "Ему бояться нечего, — отвечают инсургенты, — мы его выслушаем с удовольствием. Он вернется из-за наших барикад, одержав полную победу". Архиепископ в сопровождении Альбера, с зеленой веткой в руках, переходит первую барикаду и входит в предместье; между тем солдаты и инсургенты сходятся у площади и перекидываются отнюдь не дружескими словами; подвижная гвардия пытается разоружить инсurgentов, те отступают к барикаде с криками: "Измена! Мечь! На баррикады!"

Раздается выстрел, за ним тотчас начинается страшная стрельба; архиепископ идет все дальше и кричит: "Друзья мои, друзья мои!" Но шум так силен, что его почти не слышно. Внезапно под ним подкашиваются ноги, он падает на руки Альбера со словами: "Друг мой, я ранен"; инсургенты помогают ему, они совершенно растеряны и страшно огорчены случившимся. Альбер переносит архиепископа в лавку № 4, в предместье, а потом к мебельному торговцу Пернот. Архиепископ ранен в позвоночник, около почек. В момент, когда открылась стрельба, на барикаде находились лишь он и Рикар; вполне, следовательно, очевидно, и таково и было первое впечатление свидетелей, что пуля, настигшая архиепископа, шла с площади и что выстрелил кто-нибудь из регулярных войск.

Инсургенты переносят архиепископа на детском матраце, — так что руки и ноги свисают, — к приходскому священнику Деламар на улице Шарентон, в дом, примыкающий к Кенз-Вен^{*****}. Его устраивают в приемной: призванный наспех оттуда хирург, доктор Лакроз, заявляет, что рана смертельна. Великому викарию Жакме тем временем удалось пробраться к архиепископу мимо ряда домов, через проходной двор. Архиепископ просит его сказать совершенно откровенно, серьезно ли он ранен, и на утвердительный ответ замечает спокойно: "Дай бог, чтобы эта кровь была последней!" Ночью он причастился. В четыре часа утра к нему прибегает его постоянный врач, доктор Кайоль, воспользовавшийся перемирием, данным инсurgentам на время, пока парламентарии обсуждают условия мира; доктора всюду принимают с горячими рукопожатиями и выражением, сочувствия; "Ах, вы доктор нашего доброго архиепископа, мы очень рады, что вы пришли за ним ухаживать! Какое несчастье! Не мы ранили доброго архиепископа, это разбойники подвижной гвардии!"

***** Известное убежище для слепых. (Примеч.переводч.).

Кайоль делает архиепископу перевязку, но только он распорядился, чтобы его перенесли, как перемирие заканчивается, гремит пушка, осколки снарядов сыплются на улице градом, трубы падают с крыш: приходится ждать конца сражения. Когда предместье снова возвращается в руки регулярных частей, приносят носилки и тут же устраивают нечто вроде балдахина на деревянных прутьях из простыни, чтобы укрыть от взглядов архиепископа, во время транспорта, вид трупов инсургентов, запружающих улицу. Несли его поочередно вплоть до его помещения на улице Сен-Луи-ан-л'Иль рабочие, солдаты и мобили. В ту минуту, когда печальная процессия выходила на площадь Бастилии, раздался страшный шум; на углу улицы Рокет рушился целый дом. Архиепископа устроили в большом зале архиепископства, окружили врачами и священниками, и он умер во вторник 27-го, в четыре часа дня... "Эта смерть принесла религии и особенно католической иерархии столько же пользы, сколько вреда делу революции; и благотворное действие ее и вредные последствия были неисчислимы" (Де-Сиркур).

***

К вечеру 25 июня армия подошла к предместью Сент-Антуан, последнему оплоту восстания; здесь Оарикад было много и все внушительные, потому что на постройку и укрепление их в свое время удалось потратить на двадцать четыре часа больше, чем во всем остальном Париже; население всех домов здесь было известным образом сплочено, всюду имелись внутренние сообщения, все было скомбинировано с подлинным искусством. В распоряжении революционеров находились целые фабрики пороха и военного снабжения, в особенности в одном маленьком проходе улицы Шантье. Были здесь и свои вожди: Ла-Колонж, редактор листка "Организация труда", механик Ракари, подрядчик по постройкам Дестеракт. Обороняющихся также было достаточно, и настроены они были непреклонно: всего насчитывалось около десяти тысяч рабочих, все искусные столяры! Но нищета предместья была велика, и мэрия VIII округа кормила до шестидесяти тысяч ртов.

От рабочих скрывали все, что происходило по ту сторону барикад; вожди распространяли слухи, заведомо ложные: что в провинции началось восстание, что Косидьер идет на помощь во главе войск, что общество Прав человека и бригадиры национальных мастерских — полные господа положения; и идут споры, умеренные элементы уже склоняются, начиная с 24-го, к мысли, что нужно начать переговоры.

Еще одну любопытную попытку выступить посредником нужно отметить: аббат Ру, викарий прихода Сент-Антуан, сын бывшего военного, покинутый своими прихожанами после 24 февраля, основал клуб: "Союз народа с духовенством"; среди членов его он пользовался большим влиянием. В субботу утром он собрал местных вождей у большой барикады, расположенной у входа в предместье, и убедил их отправить его делегатом к Кавеньяку. Инсургенты хотели было повязать его шарфом; один из них опоясал его красным галстуком; "красный цвет — не цвет народа", заметил один инсургент и предложил надеть на

священника пояс трехцветный, но третий воскликнул: "Ряса лучше всякого пояса, ее всюду будут уважать". Аббат, в сопровождении двух рабочих, поклявшихся привести его обратно живым или же умереть, если только он подвергнется нападению, доходит до улицы Сент-Антуан и переходит барикады до церкви Сен-Поль. Но стрельба все усиливается, и он оказывается вынужденным вернуться той же дорогой, не успев выполнить своей миссии. Оба рабочие прощаются с ним у входа в предместье Сент-Антуан со словами: "Гражданин священник, мы обещали вам привести вас обратно целым и невредимым или же погибнуть вместе с вами. Мы свое слово сдержали. Вы ваш долг исполнили, теперь мы исполним свой долг; душа наша принадлежит богу, пусть он ею и распоряжается..." А аббат Ру возвращается к себе и организует у себя дома перевязочный пункт.

Необходимо также отметить и запомнить сохранившийся отчет начальника батальона о беседе с начальником барикады у заставы Шарентон. Он спросил последнего, что он понимает под республикой демократической и социальной, и рабочий, которого офицер характеризует как человека искреннего и толкового, поясняет, что "он стремится к республике, в которой рабочие имели бы право собраний, чтобы в меру своих способностей принимать участие в общественных и частных работах". Он тут же с горечью жалуется на клевету, распространяемую печатью и особенно газетой "Конститусионнель".

Инциденты эти характерны, как показатель мистицизма, одушевлявшего тогда многих инсургентов, армию людей, преисполненных возвышенным идеализмом, а отнюдь не простых разбойников, как уверяли лица, далекие от поля сражения.

ГЛАВА V. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

По смерти архиепископа, после прокламации Кавеньяка, после того, как в предместьи распространились известия о парижских событиях, когда стало известно, что восстание подавлено (отступление было неминуемо, потому что в течение дня барикады захватывались одна за другой, а к вечеру площадь Бастилии была уже почти окружена войсками), — пришлось подумать о переговорах. Красное знамя — февральское — на многих барикадах уже заменилось знаменем трехцветным; к умеренным прислушиваются, уже намечается делегат, которому будет поручено идти обсудить условия соглашения — но не капитуляции — с генералами, расположившимися на площади со своими частями. После полуночи из предместья выходит, в сопровождении двух инсургентов, фурьер восьмого легиона, бывший редактор газеты "Прогрессиф де-л'Об"; их встречает генерал Перо, который и выставляет свои условия: уничтожение барикад, вступление воинских частей в предместье, выдача оружия. Де-Менар, парламентар инсургентов, его прерывает: "Но, генерал, ведь вы не победитель, мы не побежденные, мы предлагаем вам мир, и вот наши условия, обсужденные и принятые на собраниях моих товарищей; дальнейшее существование национальных мастерских, право на труд, декретированное Собранием, удаление армии

на расстояние сорока лье от Парижа, освобождение заключенных в Венсене, конституция, установленная народом". Генерал не уполномочен рассматривать подобную программу, он должен снести с президентом Палаты. Де-Менар возвращается в предместье, и после двукратных попыток ему удается высвободить оттуда народного представителя Лараби, который попал в предместье вместе с архиепископом (инсургенты вели себя по отношению к нему в высшей степени порядочно). Остановившись в лагере перед предместьем, Де-Менар предупреждает начальника барикад, чтобы он возобновил враждебные действия только в том случае, если со стороны регулярных войск будет произведено нападение; на всякий случай он также сообщает, что может случиться, что он сам не вернется раньше следующего утра. Председатель Собрания принимает делегата инсургентов и депутата, и здесь начинается длинный диалог, подробности которого, к сожалению, неизвестны; между тем весьма интересно было бы ознакомиться с аргументами, выставленными в эту решительную ночь как парламентаром революционеров, так и представителем законной власти. Де-Менар подает президенту Сенару заявление, подписанное начальниками нескольких барикад и гласящее следующее: "Гражданин председатель, мы не желаем проливать кровь наших братьев, мы всегда боролись за демократическую республику. Если мы соглашаемся в дальнейшем прекратить кровавую революционную борьбу, то хотим, все же сохранить за собою звание и права французских граждан". Народные представители, добровольно оставшиеся заложниками в предместьи, со своей стороны приписали к этому заявлению в заключение: "Вышеозначенные пожелания представляются нам настолько справедливыми и так соответствуют нашим собственным взглядам, что мы подписываемся под ними от всей души, уверенные, что никто не усмотрит в нашем содействии признака слабости". Де-Менар говорил очень красноречиво и успел неоднократно растрогать Сенара, подробно останавливаясь на заведомой преданности рабочих республике; затем председатель заговорил о совершенных революционерами злодеяниях и передал все распространившиеся о них слухи. "Вздор, клевета, ложь", — ответил Де-Менар и показал, что в действительности эти вооруженные и голодные люди не совершили никаких покушений против собственности; он сказал также между прочим, что они боялись закрытия газет в одно су, так как без них им пришлось бы остаться в полном неведении о происходящем; покупать большие газеты они не имели возможности, слишком те для них дороги. На следующий день, в своей речи в Палате, Сенар несколько искажил эту часть беседы: он говорил в том смысле, что рабочие жалуются на дешевые листки, которым они будто бы предпочитают большие, серьезные газеты!

Уже около четырех часов утра; Сенар наконец соглашается, чтобы оружие было сложено в мэриях, а не отнято, как у побежденных на поле битвы; он обещает, что сейчас никаких арестов не будет и что лишь впоследствии, когда уляжется всеобщее раздражение, вожди будут привлечены к ответственности судебным порядком; наконец он обещает

отпечатать в типографии Собрания прокламацию, подписанную парламантерами предместья, и разрешает распространить ее.

Итак, соглашение достигнуто; Сенар велит угостить делегатов, буквально падающих от усталости, и пьет с ними за социальную и демократическую республику, тщательно поясняя им при этом, что он подразумевает под "социальной". Де-Менар провожает Лараби к нему домой и ложится тут же, чтобы хоть минуту отдохнуть. Только что он уснул, как за ним посылает Кавеньяк; начальник исполнительной власти только что получил донесение Ламорисьера, который и слышать не хочет о переговорах и доказывает, что отказаться от конечной победы — значит нанести армии страшное унижение. Кавеньяк и Ламорисьер рассуждают как военные, ни минуты не думая о том, что здесь дело идет не о реванше за 24 февраля и что в борьбе между гражданами одной страны честь армии сомнению не подвергается; они умоляют делегатов добиться безусловной капитуляции предместьи, но делегаты непоколебимы; Кавеньяк дает им срок для передачи товарищам окончательных его требований. Он назначает конец перемирия на восемь часов, но по настоянию парламентаров соглашается продлить его до десяти.

Около семи часов утра группа лиц, сопровождавших народного представителя Лараби, возвращается вместе с ним (он соглашается остаться заложником) в предместье. Делегаты инсургентов тоже выходят из дворца президиума Собрания и мимо улиц, усеянных воинскими частями Лараби, идут сначала к Бастилии; здесь они встречают генерала Перо, которого оповещают о состоявшемся соглашении, а оттуда — в предместье. На левом берегу все еще идет горячая перестрелка, — это Ламорисьер завершает свою победу в предместьи Тампля и подходит к Бастилии мимо предместья Попенкур, — а в то же время парламентары дают отчет о результатах своей миссии и читают прокламацию Сенара: "Граждане, если вы действительно хотите сохранить звание и права и выполнить долг французского гражданина, уничтожьте немедленно баррикады, потому что при них мы можем видеть в вас лишь инсургентов. Прекратите всякое сопротивление, подчинитесь и вернитесь, как заблудшие дети, в лоно республики, которую Национальное собрание обязалось закрепить и которую оно сумеет заставить уважать всеми средствами..."

"Смерть Кавеньяку, смерть палачу народа!" — кричат инсургенты за первой барикадой. Дальше в тылу идут горячие споры: одни хотят капитуляции, другие требуют продолжения борьбы; один рабочий, взобравшись на стол, произносит речь, которая должна убедить его товарищей в ненужности борьбы. Народные представители, задержанные в предместьи, выходят на баррикады вместе с ним и другими единомышленниками и кричат инсургентам: "Не стреляйте! Не стреляйте!" Они идут к площади Бастилии, но вот раздается первый пушечный выстрел, сигнал общего наступления. Уже десять минут одиннадцатого, — генерал Перо обещал десять минут пощады, — пальба усиливается, нужно отступать; солдаты бросаются на первую барикаду и высыпают в предместье; вместе с тем Ламорисьер подходит слева.

Вдали, у заставы Трона, появляется свежая колонна. Это генерал Лебретон, подошедший из Винсена, собирается взять крепость с тылу. Инсургенты бьют отступление и спешным порядком, с помощью женщин и детей, уничтожают баррикады. Военные отряды переступают все шестьдесят пять барикад, отделяющих Бастилию от площади Трона. Последние укрепления Вилет и Шапель взяты. Сражение кончено.

Между тем в Собрании, в одиннадцать часов двадцать минут, пристава наскоро созывают народных представителей. Сенар подымается в Председательское кресло: "Ах, как я счастлив, благодарите бога, благодарите бога!" И он сообщает, что предместье капитулировало. Представители принимают известие восторженно, с криками: "Да здравствует республика!" Ни одно собрание, столь мало республиканское, не повторяло так часто этих слов.

В четыре часа начальник исполнительной власти телеграфирует префектам: "Восстание совершенно подавлено; все инсургенты сложили оружие или бегут в провинцию. Порядок одержал верх. Да здравствует республика!"

На парижских стенах уже вывешена прокламация, обращенная Кавеньяком к национальной гвардии и к войску. Он выражает им благодарность за проявленную доблесть, просит быть так же великодушными теперь по наступлении мира, как и в борьбе, и добавляет не без горечи, точно предчувствуя, что теперь произойдет: "В Париже я вижу победителей и побежденных, да будет мое имя проклято, если я соглашусь на то, чтобы видеть в нем жертвы..."

За истекшие четыре дня жертвы, конечно, были, но то были жертвы сражения. Число их никогда точно известно не будет: официальные отчеты, сознательно разжиженные, говорят о 1460 убитых, из которых две трети падают на армию и на национальную гвардию, и о 2569 раненых, лежащих в госпиталях; но можно ли верить такой статистике? По одному отчету, за день в госпитале Валь-де-Грас было перевязано сто девяносто шесть раненых; по другому от того же дня — их насчитывается 300, и так дальше, всё в том же роде. С другой стороны, как учесть число раненых, скончавшихся в госпиталях, где смертность была ужасающая; число всех спрятавшихся, чтобы избежать ареста, бежавших в окрестности Парижа или умерших в полях и подобранных крестьянами в пору жатвы?

Париж превратился в свалку трупов; 28 июня на одном только северном кладбище полицейский пристав насчитал пятнадцать фургонов для перевозки мебели, приспособленных под трупы; на улице Бланш население жаловалось, что буквально отравлено трупным запахом; покойников хоронили кое-как на кладбище Монмартр; а когда, в воскресенье 25-го, священник Валет хотел служить у Билет, ему пришлось отказаться от своего намерения: монастырь был запружен трупами.

Среди убитых шесть генералов и два народных представителя, еще шесть генералов было ранено. Войны империи были менее жестоки; нужно раз навсегда отказаться от попытки определить, сколько солдат и

сколько инсургентов пало за одно это четырехдневное сражение...

После сражения было также понесено много жертв; "страх лился через край", возмездие было ужасающее. "По окончании борьбы над опустошенным Парижем нависла унижительная паника". Как это всегда бывает, побежденных постигла месть за страх, пережитый населением. Наибольшую жестокость зачастую проявляли те, которые больше всего испугались, именно потому, что меньше всех подвергали себя опасности. "Тыл, не участвовавший в борьбе, оказался беспощадным"; "аристократия испытывала то же озлобление, что и чернь, и господские шапки показали себя в таком же отвратительном свете, как и красные колпаки". Предместье Сент-Антуан стало излюбленной прогулкой эlegantного общества, находившего в посещении развалин успокоение от пережитых треволнений. Можно бы заполнить целую книгу описанием ужасающих сцен, развернувшихся в Париже в течение дней, следовавших за победой; всюду шли расстрелы. На улицах, по кладбищам, в каменоломнях Монмартр и Бют-Шомон; один современник уверяет, что, если считать, что на баррикадах пало от четырехсот до пятисот инсургентов, после сражения их погибло больше трех тысяч, перебитых подвижной гвардией и войсками. Самые умеренные историки признают, что и национальная и подвижная гвардия, но последняя особенно, оцеплявшие на улицах отряды арестованных инсургентов, не жалели ни оскорблений ни дурного обращения в знак "негодования, доходившего до ярости". По возвращении с поля битвы молодые солдаты подвижной гвардии моментально разбирались восторженно встречавшими их актрисами. Люксембургский сад, подвалы общественных зданий, все подвальные помещения Тюильри были забиты толпами революционеров — мужчин, женщин и детей, арестованных или на месте — преступления, или по доносу соседей, ищущих реабилитации. Наблюдение за ними было вверено провинциальной национальной гвардии; и эта стража стреляла в заключенных через отдушины, и раненые и мертвые падали прямо в окровавленные лужи грязи. Бывало, что в ответ на просьбу подать хлеба слышался ружейный выстрел...

Раздавались, правда, голоса, молившие о пощаде; дамы из буржуазии приходили в Бурбонский дворец просить Собрание помиловать революционеров; депутат Бон, сражавшийся в районе Бомарше, пытался противиться самовольным репрессиям и говорил своим коллегам: "В минуты гнева цивилизация не должна искать себе оправдания в установлении новых законов". Либеральный экономист Бланки-старший писал членам Национального собрания из района Попенкур, где он тогда жил и откуда наблюдал сражение: "Господа, уважаемые народные представители! Эти несчастные ведь только заблуждались. Вы сами говорили им это, пытались вернуть их к рассудку: сейчас они побеждены... Сжальтесь над ними! Пожалейте и тех, которые сами были беспощадны. Будь вы на нашем месте, граждане представители, вы бы видели ежедневно вокруг себя столько страшных бедствий, что сердце ваше сжалось бы! Во имя жен и детей этих несчастных, имейте жалость, сжальтесь..." Все было тщетно.

* * *

В национальном архиве сохраняются два объемистых дела, из которых каждое служит предметом сложного исследования. Одно из них скреплено медными гвоздями, точно тюремная дверь, изборожденная железными гайками: это тщательно установленный список арестов, произведенных в июньские дни; здесь насчитывается свыше 11671 имени. Перелистайте эти страницы, просмотрите бесконечные таблицы с именами инсургентов и даже иностранцев и их профессий. Тут и несколько врачей, значатся и писатели, и несколько офицеров, небольшая часть все рабочие; затем идут указания о приговоре, ссылка в отдаленные колонии, принудительные работы, помилование.

На последнем листе какой-то чиновник, верно и художник и философ, набросал громадное судно, отходящее в море; он, вероятно, думал о тысячах революционеров, без всякого суда, по простому произволу осужденных на выселение в колонии; внизу степенным почерком, пожалуй, поддавшись меланхолии и жалости при мысли об изгнанниках, он тщательно вывел слово: "Конец".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По окончании восстания стали доискиваться до его причин: до этого времени, в момент политических революций рабочие помогали буржуазии: "на улице Сен-Мери, господин Араго, вы были с нами, на улице Сен-Мери!" Теперь впервые блузники стояли с одной стороны, а пиджаки с другой; и впервые провинция оказывала Парижу сопротивление. Либеральная буржуазия совершенно не поняла, в чем дело. "Ведь наконец, — говорил один депутат делегатам инсургентов, — они же получили республику и получили всеобщее голосование. Значит, перед нами бонапартистский заговор? Или заговор легитимистов?" — "Или золото из-за границы", добавляли другие республиканцы. "Тут нечто гораздо более серьезное, чем простой заговор, — отвечали лица, лучше разбиравшиеся в парижанах. — Восстание, выдержавшее сражение такой силы, в течение четырех дней отражавшее весьма внушительное войско, обуславливалось причинами более существенными, чем жалкие интриги личного честолюбия". "Лучше умереть от пули, чем от голода", таков был девиз, — перенятый от английских чартистов, — вдохновлявший бойцов... "В нем и только в нем надо искать смысл всего случившегося и упорства, с которым революционеры защищались". Так писал Ламенэ по окончании июньских дней, еще до падения республики, которое он предугадывал, так же как предвидел его и Токвиль, заносивший в свой дневник: Любовь к свободе сменилась страхом, а может быть и полным отвращением к свободным учреждениям". Это восстание нищеты было спровоцировано политическими деятелями, преисполненными добрых

намерений, но невежественными, наивными, насыщенными пустой фразеологией и классическими воспоминаниями; они вызвали народное волнение бездарностью, полным незнанием действительной жизни, своими иллюзиями относительно власти слов и полным игнорированием развития экономической жизни.

На следующий день после февральской революции, когда политические реформы были осуществлены, стало ясно, что страна проходит через серьезный кризис и что остается разрешить еще одну важную проблему — проблему социальную. Богатая буржуазия стала покидать Париж, а бедняки наоборот притекали в столицу непрерывным потоком. Одни боялись, другие голодали. Вместо того, чтобы поддерживать промышленность временными жертвами и таким образом сохранить порядок в организации труда, правительство объединило безработных и создало из них праздную и опасную армию. Национальные мастерские погубили республику и, что еще хуже, выставили в смешном и ненавистном свете идеи социальной реформы.

Народный представитель Леон Фоше, "либеральный" экономист, избранный в 1848 году заведомо как социалист, получив после восстания пост министра внутренних дел, довел утонченность возмездия до того, что приказал каждого инсургента, транспортируемого в колонии, отправлять в паре с убийцей или вором: полное непонимание вещей!

Какой контраст с последними словами генерала Дювивье, скончавшегося 8 июля от раны, полученной во время восстания: "Эти несчастных рабочих нужно сдерживать, но что-нибудь для них необходимо предпринять, нужно им дать работу".

Генерал был дальновиднее "либерального" экономиста.

Vxci dat ilia dies, — вот все, что находит в себе силы записать в дневник Мишле в июньские дни. По окончании восстания он устремляет свое внимание на воспитание и образование, недостаток которых, по его мнению, ощущался во всех партиях. Политического и социального развития, действительно, не доставало всем революционерам, наивно думавшим разрешить самые сложные проблемы одной силой; не доставало его также и наиболее либерально настроенной буржуазии, замкнутой в "изоляторе", именуемом Национальным собранием, и своим полным незнанием действительной жизни толкнувшей народ на баррикады.

***** Марсельское восстание было быстро подавлено.

***** Известный французский писатель-философ. (Прим. переводч.).